

МАРИЯ КЕЦЛЬ

ПЕРВЫЙ
СОТНАР

16+

Мария Кейль

Первый Гончар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66806193

SelfPub; 2021

Аннотация

Пусть мы дойдем... знакомый, манящий голос подпространства звал меня. Каждый Гончар, даже такой недоучка как я, знает этот голос. Голос, позволяющий нам создавать чудеса. Я упал – ниже песка, в тот мир, которому нет названия, которого нет на карте. Тот мир, из которого вытаскивают карты. В мир, где возможно все. Главное – правильно задать цель и заплатить кровью. Пусть. Мы. Дойдем. Живыми.

Мария Кейль

Первый Гончар

От автора

Перед вами сборник историй о мире, где магия творится как в жизни: немного жизни, немного умения, немного крови и много нервов. Кто-то считает, что это метафора творчества. Для меня это просто мир... Живой, странный и нелогичный.

Истории рассказаны не в хронологическом порядке, а в порядке написания (почти). Мне кажется, так будет вернее.

Мне очень хочется сказать спасибо Шторму и Мише Лазареву – эти истории начались именно там, с задания одной из Волн.

Отдельное спасибо Наде Рыжковой, которая верила в меня больше всех и Прососову Игорю, который первый поверил в Мастера Бабочек.

Огромное, непередаваемое спасибо всем в Китеже, кто меня поддерживал.

И моему мужу, который терпел то время жизни, которое я тратила на эти истории.

Спасибо всем, кто помогал писать эти истории и тем, кто их прочтет.

Фото на обложке автора [Korhan Erdol: Pexels](#)

На другом берегу

«Верите ли вы в магию?» – пункт номер три стандартного городского опроса, проводимого седьмой год. Я искренне пытаюсь понять, что они имеют в виду под этим «верите ли вы»: верю ли я в то, магия существует, верю в то, что есть кто-то, которые ей пользуются с умом, или верю в то, что она может что-то изменить в этом мире?

Не-а.

Ни первое, ни второе, ни третье. После того, как орхористы захватили Каив (теперь уже семь лет как Орхград), верить можно было только в Отца Высшей Синева.

Я улыбаюсь и, немного картавя, спрашиваю служащего:
– Милок, прочитай-ка вопрос еще разок, не видно мне.

Он, нервно улыбаясь, – а я прошу прочитать каждый вопрос анкеты, некоторые по два раза, – перечитывает. Я, трясущейся рукой, рисую Н – «нет», отмечаю кружочками и галочками остальные вопросы, киваю и соглашаюсь с основными постулатами о Боге..., и юноша уходит от меня, даже немного счастливый: наконец-то ему больше не надо маяться со стариком.

Я жду, пока он уйдет подальше, запираю дверь, гашу свет, и, шаркая, спускаюсь в подвал. Проверяю ряд замков, медленно, из-за болей в спине, растапливаю печь для обжига и ковыляю к столу. Там лежит комок глины и длинный нож. Сглатываю и провожу ножом по запястью. Кровь капает на глину, и я забываю обо всем в этом мире, кроме того, что перед моими руками.

Порез уже затянулся, а я – уже не хромающий дедок, а вполне крепкий мужчина, погружаюсь сознанием в комок глины, вымешивая его с кровью.

Глубже, глубже, мельча песчинок и пыли, на уровень тех микрочастиц, которым ученые еще даже названия не придумали, и еще глубже, туда, где кровь уже не жидкость, а часть моей души.

И под моими пальцами глина складывается в причудливую форму, и вот передо мной небольшая «карманная» собачка. Я леплю мордочку и откидываюсь назад без сил. На столе стоит игрушечный терьер, маленький смешной пес с торчащими ушами. Я вижу дух вещи, вижу, как складываются нити управления, вижу, как растет и множится сила – и с трудом вырываю свое сознание из липкого и дурманящего морока созидания.

Теперь бы поспать, но время еще не дошло до полуночи, и у меня еще один заказ. Я оставляю собаку – теперь глине надо высохнуть, а причудливым чарам – врасти в ее плоть. Обжечь можно будет через месяц.

Я иду за глиной, и выбираю красную. Незамысловатую красную глину, которая больше пошла бы на печь, а не на годную керамику. Достаю нож.

Красное – к красному.

И снова в глубине, и снова пытаюсь создать иное. Что-то, чего обычно не делаю. Но есть люди, которым отказать можно... но только раз. И я создаю нож. Он чем-то похож на мой,

но совершенно от него отличается. Мой нужен для работы, и, через точно рассчитанное время, любой порез затягивается сам собой, будто его и не было. Этот, наоборот, должен убивать легким прикосновением. Меня тошнит, воротит, но я заканчиваю создание проклятого изделия.

И тут меня накрывает волной – нет, не усталости, а эйфории. И это, будь проклят их синий мир, паршиво. Я с трудом кладу глиняное изделие на полку и быстро, пока еще в сознании, выскакиваю за дверь. И дышу, будто пробежал вокруг всех ворот Каива. По лестнице мигает фонарь, и я вздрагиваю

– Па, ты в порядке? – Ян подхватывает меня под локоть, – пап, хватит уже. Отдохни.

Он принес молоко и хлеб. Я выпиваю стакан залпом, и нервно кусаю корочку.

– Нет, – мой голос дребезжит от старости, – мне еще обжиг.

Он обреченно вздыхает, а я захожу обратно в мастерскую. Морок уже развеялся и дышать можно, эйфории нет и не будет: это был лишь маленький отклик от использованной силы. Если вовремя не остановиться, то можно утонуть в ней, вспороть себе вены в попытке управлять, а чем больше сила, тем больше ей надо крови, чем больше ты отдаешь крови – тем быстрее уходит жизнь, и так легко можно истаять и раствориться в непроявленном мире.

На обжиг у меня лежит три вещи: ножны к созданному

сегодня оружие, тонкий женский браслет и простая глиняная кружка.

Начинаю я с ножен – им надо немного времени, иначе кожа загрубеет, станет некрасивой и ломкой. Я смотрю сквозь огнеупорное стекло как глина медленно меняет цвет, и отсчитываю время внутри себя.

«Пора!»

Я достаю изделие, кладу на стол и легонько ударяю молоточком, и вот, глина обсыпается, и на столе лежат прекрасные ножны, украшенные серебром. Они скрывают магию – любую магию на человеке, который их носит, а внутри и во все гасят ее. Идеально для ножа-кровопийцы. Внутри ножен это будет лишь обычный острый нож.

Браслет изменчивого образа я запекаю еще меньше – там металл и камни, и если перегреть, камни могут выпасть. Кружка стоит в печи дольше всех и оказывается полна вина, когда я стряхиваю с нее глину.

На сегодня все. Я звоню в колокольчик и выхожу за дверь. Ко мне спускается Ян и помогает заползти в кровать. По ощущениям, год жизни за сегодняшнюю ночь я спалил

Браслет и кружку Ян относит днем заказчикам. А я остаюсь в постели. Кажется, пора завязывать. Хватит.

Но я не мог. Не мог остановиться. Любой Гончар так или иначе впадал зависимость от иллюзии творца: ты брал землю, добавлял воду, давал высохнуть, и обжигал. И еще добавлял душу в вещь – своей кровью. Все стихии мира в дей-

ствии. Все, что можешь представить, ты можешь сделать. А пользуются твоими трудами те, кто может за это заплатить.

Когда я был пацаном, Гончары не скрывались, да и на рынке Каива, бывало, продавали вещицы со смыслом, вроде летающего ковра, а потом... мы проиграли войну. Синие орхористы, мать их. Те, кто сломил Фарион. Они пришли с мечами, с арбалетами и ... золотом. Королевская семья укрылась в Ориконской крепости, а Чемган сдали синим.

«И есть Бог свъше, и он Творец! А все остальное – от лукавого»

Мы думали – спалят нас в огне (они это любят), но нет. Я не знаю, кого из наших они взяли в плен – горы всегда были богаты на талантливых мастеров. Знаю только, что кого-то заставили отдать свои жизни на то, чтоб сделать ужасную подлость: вещи для управления разумом. Погоны их синие, да эполеты. Чем серьезней офицер, тем сильнее влияние. На всех, кроме Гончаров. Но и на нас управа есть, тем более что мы и не скрывались. Пришел ко мне офицер их, в синей своей форме и предложил: или никто никогда не узнает, что я делаю, но я должен выдавать для них определённые вещи, либо... либо никто никогда не узнает, что я и вся моя семья вообще жили на свете. Мы же в Чемгане и не прятались никогда, и найти Гончаров и их семьи – тут даже напрягаться не надо было.

Хорошо хоть, тот горный мастер, кто создал те погоны, создал их немного. Штук сто, наверное. Может и больше,

сколько жизни хватило. С простым, как топорик, действием: контроль над разумом в радиусе километра. В голову вбивались всего три убеждения: Бог есть, Власть от Бога... и магии нет. И убеждения эти оставались надолго. У всех, кроме Гончаров. Поэтому мало кто знает нынче о Гончарах, а кто знает... те лучше бы не знали. Политики, военные, мафия – не та аудитория, для которой хотелось творить, но выбора нет. Пока нет.

Ян вернулся с деньгами и потекли спокойные, размеренные дни. Я восстанавливал силы.

Мне оставалось немного: обжечь нож и оживить собаку. Пес был важнее всего, что я делал когда-либо. Вопреки правилам, уже высохшую глину я еще раз окропил кровью, и поставил в печь. Понадобился не один час, для того, чтобы глина застыла, против нескольких минут для обычных материальных вещей. Но собака нужна была мне самому, и, когда я отряхнул глину, он завилял хвостом...

– Ну, защищай теперь... – пробормотал я и осел на пол.

Рассыпанный на атомы мир.

Несобранные кубики мироздания. И дальше, в слои пространства до его созидания. Где нет ни тишины, ни шума. Где нет ничего, но есть все. Волны. Частицы. Время? Времени нет.

Время начинает движение с каплей крови.

Тонкими, живыми искрами с кровью проникает душа и

воля в волны несуществующего океана. Тонкими, красными прожилками рождается жизнь. Кости собираются в скелет, он обрастает плотью, сила рождается в сердце. Вот он я – еще не существующий, но уже живой. Пока только образ, но уже готовый защищать.

Пока только образ, но уже понимающий и видящий.

Кровь искрами окружает меня, кровь зовет, кровь дает жизнь. Слишком много жизни для простого существа.

Слишком много чужого дыхания в глине. Корка стягивает, не дает пошевелиться.

... и нет больше безграничного чувства свободы.

... и нет понимания, и нет знания окружающего мира и мира проявленного

... и нет сил пошевелиться

Я скован в крепкую корку глины

... острое лезвие рассекает кожу, капли крови разбивают камень.

Тепло огня, время и воздух.

Время проснутся. Я открываю глаза.

– Ну, защищай теперь... – говорит создавший меня, и падает.

А я смотрю на мир – живым, настоящим взглядом. Кто я? Откуда я пришел? Зачем я здесь? За мгновения все, что я знал до этого, оказалось стертым. Я помню, я знал все об этом мире. Я помню... но уже не знаю.

Не знаю, но узнаю – с каждым вздохом чувствую реальный

мир. Запахи, тепло, сырость. Человек на полу. Седой старик, который отдал все силы, чтоб сотворить чудо из глины. Меня.

Мой звонкий голос гулко отражается от стен и потолка, и я слышу шаги. Хорошо, моего создателя спасут. Я его спасу. И не только его.

Ведь это мое предназначение – защищать. Моя задача – найти тех, кто угрожает создателю. Моя задача – чтоб другие создатели жили.

Лежа в кровати, куда меня отнес Ян, я чувствовал рядом сопение: то пес дышал мне в руку. Я знал, что срок вышел, ибо я отдал больше, чем имел, и остались теперь считанные дни. Но я был рад. Никто и никогда не сможет причинить вред моей семье. И не только семье. Я справился, создал охранника, оборотня-демона, который будет верен тому, в ком есть моя кровь. И тому, кто умеет творить с помощью крови. Он защитит Гончаров, защитит наши семьи. А после моей смерти найдет всех, кто носит погоны, и ...

– Пап, зачем ты зачаровал собаку? – спросил у меня Ян, зажигая свечу.

– Не знаю... – пробормотал я. Действительно, зачем? Я мог наложить те же чары на предмет, даже высвобождение демона. Так мы в свое время зачаровывали медные лампы. Сложно, одноразово, но без таких жертв.

Не знаю. Может, мне хотелось доказать, что не только про-

клятый бог синих умеет создавать живое из глины? А может, в этой стране, среди людей с промытыми мозгами, мне просто хотелось создать друга, пусть даже ценой собственной крови?

Я закрыл глаза. А когда открыл их, вместо маленькой собачонки на моей кровати лежал огромный черный пес. Он радостно твякнул, когда я проснулся и позвал гулять.

Я – настоящий я, а не столетняя развалина, пошел с ним, а он привел меня к реке, и там меня ждала лодка...

Может, на другом берегу я буду счастлив?

Левский и Вааль

Мастер бабочек

Чего стоит капля твоей крови?

Чего стоит удар твоего сердца?

Чего стоит день твоей жизни?

Звучит высокопарно, согласитесь? А ведь это пыль в глаза. Возвышенные утверждения, но.... никто точно не знал, сколько дней жизни уходит на обжиг. За что-то простое можно было сказать с точностью в несколько дней: три-пять или там неделя. Если ваять что-то грандиозное, то могли уйти месяцы и годы, и там уже никто не считал дни.

И нет прямой связи между тем, сколько крови ты прольешь в глину, и тем, что ты получишь в итоге. Можно вскрыть себе вены, развести глину кровью вместо воды и остаться ни с чем. Если знать, что делать, то хватит и капли. Шуточка про удар сердца самая глупая. При погружении

время не соответствует реальному и часто бывает, что мастер пропадает в экстазе творца менее чем один удар сердца. Но также может и провести час, два, три вне этой реальности. Зависит это только от стиля мастера и того, что он создает.

А жизнь у всех одинаково стоит, хоть у меня, хоть у бездомного у ворот, хоть у главы Гильдии.

Я стоял у двери Гильдии и грустно смотрел на этот высокопарный пафос. Он был выбит неизвестным мне умельцем на тяжелых дверях, созданных им же без ручек и замков. Двери охранял каменный пес – скульптура в память первого фамильяра-керамика, который помог выиграть войну много лет назад. Маленькая собачка, по легендам и байкам, могла ожить в случае угрозы Гильдии. Но за последние восемь десятков лет после освобождения Каива так и не ожила. Хотя были нападения синих по границам, был горящий Фарион. Сдается мне, это лишь дань памяти мастера, освободившего Чемган ценой жизни. Имя его забыли – то ли из-за небрежности, то ли от того, что много людей попало под управление разумом и вообще забыли про Гончаров и Магию. Так что Гильдию отстраивали с пустой площади, и умения тоже собирали по кирпичику. Снова.

Мой мастер опаздывал, и я скучающе рассматривал редких прохожих на вечерней площади да думал глупые философские мысли.

– Васик, дорогой, прекрати делать такое лицо, будто те-

бя здесь нет. Мне страшно становится! – Я вздрогнул: вот и Джаред, мой мастер, будь он неладен. Высокий и манерный тип. Глядя на него я вспоминал тех несчастных мужчин, которые играли женщин в театрах лет пятьсот назад, когда лицедейство считалось исключительно мужской работой. Он всегда держал себя так, будто шёл по театральным подмосткам, рассчитывая заранее каждый жест и каждую фразу. Удивительно, но он вел себя также, когда много лет назад, выпивал с моим отцом. Собственно, давняя дружба между семьями была единственной причиной, по которой он взял меня в подмастерье.

– Мастер, – я отвесил положенный поклон. Он небрежно кивнул в ответ и прикоснулся ладонью к двери. Она открылась сама, и мы зашли внутрь, оставив за спиной слова о нелёгкой доле Гончара и ценности работы. Мне показалось, или пес проводил меня взглядом?

– Ну что, Васик, готов творить чудеса? – спросил он, пока мы проходили узкий коридор. Ответа он дожидаться не стал и просто прошел вперед, спускаясь по каменной лестнице в подвал. Меня трясло от предвкушения, волнения и страха.

В сводчатом подземном зале собралось четверо мастеров. Рубашки были у всех разные, но каждый надел жилет и тонкой кожи. Гладкий коричневый материал одежды напоминал о том, из чего мы творим магию. Жилетки запрещалось стирать, потому одевали их только на церемонии. Чем более затертая ткань – тем более уважаемый мастер. Суровые немо-

лодые (кроме одного) мужчины напоминали экзаменаторов, готовых высечь студента-недоучку. Так оно и было, ведь происходящее не столько посвящение, сколько экзамен. Гончар только тогда мог называться Мастером, когда мог сотворить живое. Так повелось после Освобождения Чемгана, так продолжалось и по сей день.

Пару веков назад, до войны с синими, Гончары только магическими предметами и помышляли. Скатерть-самобранка, ковер-самолет, чарки бесконечного пива, украшения, делающие обладательницу неотразимой – это из хорошего. А еще, по другим заказам – штуки управления сознанием, неразрывные наручники, отравленные ножи, арбалеты, бьющие без промаха. Великий Гончар, отец Яна-Освободителя, первый создал из глины живое существо: собаку. Вечного спутника, фамильяра. Гончар заточил в зверя сильную демоническую сущность с единственной целью: защитить семью и таких же мастеров от синих. Тогда он отдал за обжиг остатки своей жизни. Зачем, почему именно зверя, спутника – никто не знал. Мог ведь, как в сказках, лампу с одноразовым демоном создать.

Как бы то ни было, нынче полновесным Мастером считается только тот, кто может создать живое. Пусть даже ты потом всю жизнь будешь ожерелья вечной молодости для дам клепать. Главное – можешь.

Вот сейчас и я стоял перед главным испытанием для Гончара.

Мастера здесь нужны были не только, чтобы оценить результат. Они с помощью амулетов ускоряли сушку глины до того, что все изготовление керамика (вымешивание глины, лепка, долгая сушка и обжиг) можно было совершить за одну ночь.

Мне указали на стол. Там лежал комок белой глины и серебряный нож.

– Васик Левский, вы осознаете риск для вашего здоровья при создании живого керамика?

– Да.

– Васик Левский, вы принимаете ответственность за одушевленного керамика, созданного вами?

– Да.

– Готовы ли пролить кровь?

– Да.

– Ну-с, обязательные вопросы закончились, – мастер Джаред обратился к мастерам-экзаменаторам. – Кого он должен создать?

Самый молодой из четверых подошёл ко мне и с интересом всмотрелся в мое лицо.

– Создайте нам мотылька. Светящегося. Пусть он... ну, скажем, ищет живых людей в заданном пространстве.

Я сглотнул. Светящегося мотылька, который будет искать тепло? Мотылек должен лететь на огонь и тепло, а раз он светится, то куда он будет лететь и есть ли ему смысл лететь вообще?

– Не усложняйте, – хмыкнул другой мастер, – просто делайте.

Я подошёл к столу, взял нож и полоснул себя по запястью. На глину пролилась кровь и рана тут же закрылась, оставив тонкий нитевидный след, теряющийся среди десятков таких же нитей. Но я их уже и не видел: линии боли превращались в линии силы и текли сквозь пальцы.

Глина в моих руках. Моя кровь и душа. Сознание где-то глубоко в мире, где нет времени, где микромир существует как модель вселенной. Меня затягивает в привычную эйфорию созидания. Я удерживаю перед глазами образ маленького крылатого существа, простого и уязвимого, внимательно рассматриваю каждую ворсинку на крыльях, усики, глаза – и отпускаю образ.

Глина под моими пальцами обретает форму.

Я вынырнул из липкого экстаза, и услышал довольные слова одного из мастеров:

– Неплохо.

– А теперь отойдите от стола, Левский.

Я с трудом встал и отполз к стене. Они направили на стол странного вида раструбы, и вокруг мотылька образовалась сфера измененного времени. Знал я про такие штуки, но видел – первый раз. Спустя пару минут для куска глины прошло несколько дней.

– Теперь обжиг, молодой человек, – холодно сказал один из них.

Я снова беру в руки нож и режу свою руку – чтобы дать дух живому. Ставлю в печь. И жду. Мастера не вмешиваются: определить правильное время обжига – часть экзамена.

Для живого керамика времени требуется больше, чем для зачарованной вещи, намного больше.

Мои экзаменаторы откровенно скучали. И только молодой темноволосый Гончар с интересом поглядывал то на меня, то на настенные часы. Время двигалось неспешно, становясь пятой стихией. Земля, вода, воздух, огонь, время. Кровь мастера как вместилище души.

Все мы умрем раньше, чем простые люди: вместе с кровью уходит наша жизнь, и чем мощнее создание, тем больше мы стареем. Мотылек отнял у меня несколько дней. Первый созданный живой керамик отнял у своего мастера много лет.

Только вот я всегда думал: какая разница? На любой улице тебя собьет повозка, в подворотне накинется грабитель с ножом или посреди поля ударит молния – люди гибнут в любом возрасте от тысячи разных причин. Я хоть могу заниматься любимым делом.

Я открываю заслонку и ставлю на стол маленькую глиняную фигурку. Мы снова ждем. Никто не прерывает меня, ведь все, что делает Гончар, отражается на керамике. Жду, пока глина остынет и легонько касаюсь ее пальцем. И под моей рукой глина рассыпается, освобождая маленькое существо.

Пару раз взмахнув крыльями, он взвился под потолок, сделал круг, затем сел на плечо Джареду, потом молодому мастеру, потом остальным, и в конце вернулся ко мне. Он и правда светился: тихим, мягким светом, как огонек свечи.

– Неплохо, – снова похвалил меня молодой мастер, – Васик Левский, вы приняты в Гильдию.

Все сразу расслабились.

– Ну, теперь можно и в кабинет, кофейку выпить, – улыбнулся Джаред. – Да и документики, хм. Документики подписать еще надо. Васик, мотылька забери, – бросил он мне. Я посадил крылатого керамика на ладонь и вышел следом за четверкой мастеров.

Мы все медленно поднялись в кабинет на втором этаже, где мне выдали номерной серебряный нож, взяли образец крови, чтобы дверь в гильдию и охранник смогли меня запомнить и открываться от моего прикосновения. Еще я подписал кучу бумаг: что не буду создавать ничего с намерением причинить вред, что обязуюсь платить членские взносы (четыре золотых в год), что, как член гильдии, раз в два года реального времени имею право воспользоваться трёхнедельным отдыхом на Ориканских озерах, где отдыхал сам король... И прочее.

Расписавшись, где положено, я, следуя правилам, низко поклонился, завернул нож в грамоту и молча вышел.

– Удачи, – услышал я тихий голос молодого мастера. – Ножны сделать не забудь.

– У меня уже есть. Отцовские.

Он понимающе прищурился и кивнул с одобрением.

Если вы думаете, что сразу после посвящения жизнь моя пошла в гору, я открыл свою лавку, стал счастлив и все такое, то вынужден вас огорчить: ничего подобного. Это был не роман из тех, что писали скучающие барышни. Не изменилась моя жизнь нисколько. Я по-прежнему пахал на Джаред пять дней в неделю: носил глину, выкидывал мусор, чистил печь, иногда ваял простенькие вещицы для мастера – вроде бокала, который обезвреживает яды. В субботу я шёл в Гильдию и пропадал в библиотеке. В воскресенье я иногда проводывал мать с сестрой. Конечно, Джаред разрешил мне пользоваться его мастерской по воскресеньям, но создавать живого керамика, тратить на него жизнь забавы ради было глупо. Да и куда его? За мной и так по пятам летал мотылек с экзамена.

Чтобы что-то делать, нужен заказ. Заказы дают только опытным, проверенным мастерам. А чтобы тебя знали, надо, чтобы ты хоть что-то сделал и кто-то знал результат твоей работы.

Про меня можно было узнать только в списке мастеров гильдии: Васик Левский, номер один с конца списка. Успешно создано живых керамиков: 1. Ранг «Д».

«Д» – дерьмо, как говаривал мастер Джаред.

– Что изучаешь? – Ко мне подошёл молодой мастер, один из четвёрки экзаменаторов. Он был сейчас в обычной летней одежде: льняных брюках и щегольской рубашке. Я так засиделся, что не заметил, как настал вечер, и я остался один в библиотеке. Он поднял том с моего стола.

– «История первого керамика», – неплохая книга. Но проще выйти и его потрогать, правда он сейчас редко оживает, все думают, что он – статуя. Но вам, Левский, если хотите добиться успеха, надо бы начать с другого. У мастера Джаредда есть такие книги, но он не любит их показывать, – хмыкнул он. – Джаредд даже не любит говорить, что он их писал.

– И с чего мне лучше, мастер... – заинтересовался я, и неловко замер: я не знал, как звали экзаменаторов. Вернее, имена самых успешных мастеров известны были всем, но портретов на стенах Гильдии удостоились только те мастера, которые уже покинули этот мир.

– Мастер Вааль, – он покачнулся на носках, – Пойдемте, Левский, я вам покажу.

Я последовал за ним, а он пропустил полки с книгами про выбор глины, про группы крови, про создание кинжалов, про материальные объекты, про опасности подпространства, про то, как бороться с экстазом творца и про то, как создавать одушевленных керамиков.

Прошел мимо длинного ряда скопированных книг из городской библиотеки, посвящённых всем мыслимым животным. Остановился у самой дальней стены, около полки с

пыльными книгами. Читали их редко.

– Все почему-то думают, что если они нечто умеют, так к ним сразу народ потянется. И начинают совершенствовать технику. Но, – он жизнерадостно показал мне полку как самое главное сокровище, – вот что вам надо изучать в первую очередь, Левский.

«Как мастеру правильно общаться с людьми», «Как я превратил один заказ в сотню», «Продай себя, ты же мастер» – эту книгу Вааль протянул мне.

– Начни. – Я пытался уловить в нем долю юмора, но он был дружелюбен и серьезен. – Это хорошая книга, Левский.

– Но я думал, что умение важнее, – тихо сказал я.

– Левский, ты, скажу честно, наивный до глупости. Любой, кто может сюда зайти – Гончар-мастер. Ты среди равных. Неумех тут нет. Но большее мастерство приходит с большим опытом, опыт – следствие заказов, а не книг, заказы берутся – откуда?

– Откуда? – зачарованно спросил я.

Он вздохнул и постучал пальцем по корешку, где, среди двух других значилась его фамилия тоже. Первой была фамилия моего учителя.

– Общение, мой друг. Если не знаешь, что это такое, посмотри как работает твой мастер Джаред. Думаешь, мы бы зря тратили свое время?

Вааль оставил мне книгу и попрощался.

Мастер Таале Вааль, вспомнил я списки. Мастер орлов

– он создавал птиц, которые передавали видимое ими пространство на специальные экраны. Гений, соединивший живого и неживого керамика в цельную систему. Работал он на военных. Непростой человек.

«Интересно, сколько ему лет?» – подумалось мне. Выглядел Вааль ненамного старше меня, но... Тогда сразу возник вопрос: во сколько лет он начал гончарить? Его творения – это не дни и даже не недели жизни. Так... сколько же ему на самом деле лет? Откуда этот высокомерный тон? «Думаешь, мы бы зря...» Да уж, дороже времени нет для нас ничего.

Так что книгу я все-таки прочел, хотя каждая глава вызывала невольный внутренний протест. «Превосходи ожидания клиента», «найди свою нишу», «пользуйся связями» и опять «пользуйся связями» и прочие советы ходить и рассказать всем подряд про свою крутость были настолько не про меня, что читал я их с трудом. Однако их написал человек, чья карьера и возраст хоть и вызывали кучу вопросов, но успех был бесспорен. Над моим плечом кружился мотылек и я решил кое-что попробовать. И пошел в воскресенье в мастерскую. Джаред был потрясен до глубины души: он не верил, что у меня может быть заказ.

В следующие выходные я отправился к Аните, моей маленькой сестренке. Ну, маленькой, она была только для меня, а на самом деле в свои семнадцать имела весьма развитую фигуру и училась в солидном колледже.

– Привет, братец. – Она обняла меня. – Мастер Левский,

ммм? Уже месяц как мастер, а дома не проставился.

– Подарок тебе готовил, – я приобнял ее, – не с пустыми же руками проставляться.

За Анитой наблюдать было одно удовольствие: она одновременно обрадовалась и попыталась меня поругать:

– Да вы с папашей одинаковые, вам лишь бы погончарить. Раз помрешь раньше всех – домой заходи почаще. Мама скушает, – добавила она после небольшой паузы

– Эй, полегче. Если бы не папина пенсия, ты бы не училась сейчас в колледже. Я и не собираюсь гончарить чего-то масштабного. Вот, посмотри.

Я протянул ей небольшую коробочку.

Ведомая любопытством, она открыла и ахнула: на ладонь вспорхнула бабочка, прекрасная, искрящаяся разными цветами и несущая с собой аромат летнего сада. Бабочка перелетела на ее волосы – прекрасное и живое украшение.

– Крылья меняют цвет от твоего настроения: сейчас они розовые – ты рада и смущена. И еще ей надо иногда давать чуть-чуть меда, – сказал я, наблюдая, как она крутится перед зеркалом и играет с бабочкой. Ее восторг на мгновение остановился:

– И во сколько она тебе вышла?

– Дней пять-шесть.

– Не врешь?

Я передернул плечами: мол, врать мне зачем?

– Ты можешь носить ее с собой на учебу, – улыбнулся я.

– Эй! Васька, ты хитрющ и ты молодец! Поняла я тебя. Ну ладно, братик, покажу я ее нашим примадоннам. Только смотри, потом не приходи ко мне с седыми волосами, а?

Меня немного смутило, как Анитка сразу поняла, зачем я принес ей бабочку, и даже похвалила меня за идею. Перед зеркалом она крутилась до тех пор, пока не пришла мама и не усадила нас ужинать, как будто мы школьники.

К моему удивлению, школьным примадоннам моя идея понравилась. Анита посмеивалась и требовала проценты, но исключительно в шутку. Бабочек, божьих коровок, мотыльков, колибри, змеек и прочую мелкую живность, которая притягивалась теплом хозяина и выглядела как украшение, я делать наловчился. Джаред смотрел на миниатюры, появляющиеся в его мастерской, посмеивался, но ничего не говорил. Хотя иногда он качал головой и грустно косился на мой сертификат с буквой «Д».

Прошел год, настала весна, пересмотр всех сертификатов в гильдии. Ничего не изменилось – у меня по-прежнему красовалась самая нижняя ступень. Я изучал разные техники, разные типы обжига. Например, молочный. Пробовал глазурь, и получались просто волшебные переливы на чешуе ящериц. Но треснутый горшок, меня достало делать мелочь. Более того, девушки разрезвонили по всему городу, что Левский – мастер бабочек. Им казалось, это мило и романтично. Тон задавала сестрица Анита. Ух, Джаред смеял-

ся. Правда недолго: через полгода я от него съехал, арендовал маленький домик с хорошим подвалом, оборудовал свою печь и начал встречаться с замечательной девушкой, шатенкой по имени Эмма. Папаша был бы доволен, если бы смог ее увидеть.

Прошел еще год, снова настала весна, но мой ранг не изменился. Два года прошло с момента экзамена, и я решил воспользоваться правом отдохнуть на озерах, к тому же хоть и днями, я растратил за два года своих пять. Эмму отец со мной не пустил: мол, нечего разврат разводить, еще даже не помолвлены. И я поехал один.

Там я снова встретил мастера Таале Ваая.

– Ну что, отдыхаешь, Левский? – Подошел он к моему шезлонгу, – Почему один? Никто не хочет составить компанию Мастеру Бабочек?

– И вам неплохо поживать, – буркнул я ему. В его темных волосах появились серебряные прядки, работал он на порядок серьезней меня. Кружным путем я выяснил, к своему немалому удивлению, его возраст: он был на четыре года младше меня. Так когда же он начал гончарить?

– Не обращай внимания на этих идиотов, Левский. Это гениально – делать таких милых созданий. Моя сестренка, кстати, заказывала у тебя золотую змейку-браслет. Весьма хорошо сделано.

– Да куда уж мне до вас, – Валль, со своими орлами для государственных организаций стал легендой Гильдии. Инте-

ресно, как он начинал? Как пытался донести до армии важность того, что придумал? И почему у меня в голове только милые штучки, но ничего такого глобального?

– Ну-ну, – он покачал головой, – что умеем, то и делаем. Я терпеть не могу возиться с миниатюрами, а тебя вон как выходит – вплоть до чешуйки. Ранг, может и не заработать, но денег – вполне. Узнаваемый стиль и качество – вот что приносит деньги. А ранги важны для старых зануд вроде Джаред, которые не ценят свое время.

Он задумался и замолчал, вспоминая что-то свое.

– А вы цените свое время, мастер Вааль? – не удержался от вопроса я.

– Да, – ответ был резок, – да, Левский. Я ценю свое время. Я бы отдал его все, разом, чтобы только ... Я бы еще книг написал, чтоб гончарное дело развивалось. Я бы... Неважно, Левский. И давай на «ты», ладно? А то я совсем стариком себя чувствую.

Он помолчал еще немного, безотрывно смотря в чистое небо.

– А давай выпьем, Левский? Говорят, тут коньяк хороший.

Прошло еще два года и, меня это начало уже пугать. Мне действительно не поднимали ранг в Гильдии, я так и болтался в конце списка. Только теперь это было уже не важно – меня знали все. Милая редакторша, которой я сделал золотую

черепашку, вела про меня колонку в модном ежемесячном журнале. Мои миниатюры расходились все дальше и дальше, и стоили все дороже.

С Ваалем я встречался и не раз: он мне симпатизировал, пытался подружиться и считал, что я делаю все правильно.

Иногда, немного высокомерно, давал советы, иногда звал выпить и очень мной гордился, почти как своим учеником. Это было забавно, если вспомнить кто из нас старше. Он будто игрался, изображая учителя.

У меня были деньги, признание, клиенты, любимое дело. И своя мастерская. Я не тратил так много своей жизни, как Вааль и другие мастера. Миниатюры отнимали, как правило, меньше недели и кучу нервов. Приносили достаточно денег за уникальность и не заставляли меня обзаводиться седыми волосками, что чрезвычайно радовало Эмму, Аниту и маму. На сентябрь назначили свадьбу. Жизнь удалась.

«Чего стоит моя жизнь? Зачем я здесь?»

Я смотрел на возвышенное послание на двери Гильдии в дождливый августовский день.

Зачем я конкретно «здесь и сейчас» было понятно: мы пришли проводить в последний путь мастера Джареда. Это было грустно, но ожидаемо. Но зачем я здесь, в этом городе делаю бабочек? На это я трачу жизнь? На это день за днем трачу свои годы? Реального времени от моего рождения прошло 26 лет. А из них последние шесть лет – два учебы и

четыре работы обошлись мне в одиннадцать. У меня есть девушка и мы планируем пожениться. У меня есть мама и сестра, которые за меня переживают.

Но я хотел большего. Я хотел иначе. Я знаю, как создать, соединить...

Но может, я просто перепил с Ваалем на поминках?

На свадьбу я создал для Эммы прекрасное ожерелье из бабочек, которые кружились вокруг сначала как вуаль-фата, а потом садились драгоценностями на грудь, платье, волосы. Все просто плакали от подобной красоты.

Анита ткнула меня в бок после церемонии

–Ты, братец, создал новую свадебную моду.

Тогда я напился. Не сразу, нет. Не в первую брачную ночь, и не во вторую. И даже не в третью. Нет, я напился в своей мастерской после того, как мне принесли десятый заказ на этих чертовых свадебных бабочек! Сам придумал, сам и делай, да. Радуй остальных, мастер! Кстати, Эмма тоже их любила и очень гордилась. Особенно в восторге она была от того, что я был богатым, но не старым дедом, как большинство Гончаров.

Ах да, когда родились двойняшки Стар и Тася, он попросила им создать светящихся бабочек – потому что дети боялись спать в темноте. Мило было до оскомины. Надо ли говорить, что это были не последние детские игрушки, которые я делал? Некоторые рассказывали сказки на ночь.

Я терпел: всем же было хорошо. И только все чаще листал

старые фолианты в библиотеке.

Сорвался я в тот день, когда ко мне пришел Вааль. В мастерскую. Он выглядел уже матерым стариком, с которым не хочется спорить, а то тростью зашибет.

– Ты, наверно, уже и не ждал, но вот тебе бумага, Левский

– Что это? – я покосился на свиток в его руках. Тот лишь кивнул: мол, принимай. Я развернул сертификат.

– Ранг «С»? – мне присвоен ранг С? Все? За все годы?

– Из уважения к твоему мастерству. Левский, не понимаешь? Да они завидуют тебе – все! Ты самый успешный Гончар! Потому что никто никогда не делал эти миниатюры и не делает! Я, я спалил свою жизнь ради мира в стране и толку? Да лучше бы провел больше времени с семьей... но ты знаешь, как манит глина.

Он замолчал. Я знал, что Таале Вааль, сын офицера и свидетель пожараищ Фариона готов творить все, что угодно, чтобы сохранить мир в стране. Юношеский максимализм, ха. Но я также знал, что он, как и я, жить не мог без *погружения*, без манящей магии сотворения нового. Нам было уже все равно, сколько времени горело ради наших керамик. Лишь бы творить.

– Живи, Левский. Делай бабочек. Девочки от них счастливы. Мне даже моя сестра... – он замялся, – Моя старшая, понимаешь, Левский, старшая сестра! Эта милашка, черт, даже она говорит, чтобы лучше я бабочек делал вместо своих орлов! Потому что сейчас я выгляжу как ее папа! И ради че-

го? Ради мира?

Он в сердцах хлопнул дверью.

Вот тогда я напился. Так, как никогда до этого не напивался. Закрылся в мастерской.

Эмму это не удивило: я оставался там допоздна время от времени.

Но нынче – нынче я хотел сделать нечто иное. Кое-что, вернее, кое-кого, кого я хотел создать с самого начала, когда читал про первого живого керамика. Нечто, отличное от бабочек. Некто, ради кого я сидел в библиотеке снова и снова.

То, что все изменит.

Я мешаю глину: черную – вулканическую, белую – с высокого пустого склона, красную – от ямы в земле. Добавляю речной песок.

Кровь, кровь, кровь. Я беру обычный нож, черт, кто ж знал что будет так больно. Кровь не останавливается, течет. Я зачарованно смотрю на яркие капли, которые исчезают в материале и понимаю, что уже давно не в этой реальности. Едва удерживаясь сознанием от погружения в микромир, я провожу по порезу еще раз, но уже серебряным ножом, и кровь все же останавливается. Я ухожу туда, где вещество призрачно, а мысли реальны.

Огонь

Воздух

Вода

Земля

Дух

Создание

Время

Обжиг

Когда я достал из печи глиняную фигурку, было страшно разбить слой глины и освободить существо. Я мечтал о таком с самого начала, будь они все неладны! Гончар держит в руках все четыре стихии, и я хотел смешать их в одном существе. Никто до этого не пытался создать подобное!

Я коснулся глины, она осыпалась. Перед моими глазами сверкнуло яркая вспышка, я осел на пол.

– Эй, Левский, ты чего тут намудрил?

Вааль тряс меня за плечо. Он выглядел обеспокоенным.

– До меня дозвалась твоя жена, мол неделю из мастерской не выходишь. А вниз дверь мог открыть только мастер. Печать же на входе.

Я попытался сесть. Он помог и внимательно осмотрел меня.

– Так что ты тут намудрил, а?

– Ничего я не делал.

Вааль хмыкнул и достал из кармана зеркало: там отражалось мое лицо, но лет на пятнадцать старше, чем положено.

– Рассказывай, что ты ваял, что почти сравнялся со мной за один раз.

... *Саламандра – от огня. Скот – от воды. Колибри – от*

воздуха. Крот – от земли. Дух от крови, сознание от времени. От саламандры – прочная чешуя, чтоб могла пройти огонь, от колибри крылья, от ската – способность плавать, и от крота – то, где он будет жить. В земле. Живи. Маленькое серое создание. Докажи всем...

Вааль присвистнул.

– Ты пил или курил? Ты как себе это представлял? Маленькая слепая ерунда, летающая с хорошей скоростью и бьющая током?

– Нет, – сил у меня не было. – Маленькое изящное существо, которое умеет складывать крылышки, чтобы нырнуть и расправляет лапки на манер белки-летяги, чтобы плыть. Я использовал образ обычного ската, не электрического. В голове все это как-то лучше складывалось.

Мастер Орлов был взбешен.

– Левский, мать твою, тебя папа не учил, что при сложных образах уровень непроявленного улавливает подсознание? И где нам искать слепой электрошокер?

– Ну, – я напрягся, – он должен выкопать себе нору. Это же крот! По крайней мере, на четверть!

Тут я снова оперся об стену. Вааль подхватил меня.

– Лечь тебе надо. В первый раз так сильно потратился, да? Непривычно? Привыкай, гений. Завтра поговорим, когда проспишься.

Он дотащил меня до дому и сдал на руки Эмме, соврав в оправдание что-то про секретный оборонный заказ, и ушел.

Последнее, что я запомнил – бледное лицо Эммы, Стара и Таси.

Вааль вернулся утром, как и обещал.

Но, как опытный Гончар, он пришел в ту часть утра, которая ближе к полудню.

Я уже смог встать с кровати, выпить кофе и почти соображал. Сложнее было привыкнуть к своему телу: обычно я творил и тратил несколько дней, максимум пару недель со свадебными бабочками, и не было такой резкой разницы до и после обжига.

К моему удивлению, Вааль потащил меня в Гильдию, но в библиотеку, а не в официальный зал. Принес кучу книг по колибри, скатам, кротам и саламандрам и уселся рядом.

– Так, Левский. Давай думать, где оно могло спрятаться.

Мы занырнули в книги. Час, два, три. Голова болела, хотелось лечь. Я начал сходить с ума. Вааль тоже. Где-то у крайних полок кто-то передвигал книги и жутко шуршал, отвлекая нас от работы. Наконец друг не выдержал и встал из-за стола:

– Почему ты не попытался создать дракона? Хотя понятно, откуда ноги растут, где хвост и откуда огнем плюется... Хотя какие-то спецификации, хоть и выдуманные. Нет, тебя понесло.

– Вааль, – я поднял на него злой взгляд, – ты что забыл?

Я Мастер Бабочек. Долбаный минитюарист, которому все завидуют. Какой дракон?

– Ты мог бы создать его маленьким! Ладно. Ладно. – Он походил кругами. – Ты тот еще гений, но твой зверек должен подчиняться общим законам: иметь цель, иметь сознание, иметь объект привязки. Давай думай. Забудь отличительные признаки. Думай, что ты в него вложил.

Что я думал – что чувствовал – чего я хотел. Как же мне все надоело!

– Сдохнуть я хотел, – вспомнилась кровь, которая не оставалась, – сгениальничать, вам всем нос утереть и сдохнуть.

– Врешь.

– Нет, правда, хотел вначале... даже нож обычный взял... Но потом меня накрыло. В жизни не испытывал такого погружения. Это даже не обычная эйфория, это что-то запредельное. Как будто я сам перестал существовать!

– Левский, – он покачал головой, – кончай нести чушь. Ты точно что-то курил. Колибри-электроскат – этого я даже в кошмарах представить не мог.

– Колибри... – произнес я. – Кажется, знаю, куда это существо могло отправиться. Есть только одно место в городе, где рядом огонь, вода, и много цветов.

– Парк героев вечного пламени, – он поднял пиджак. – Идем, Левский. Если мы найдем твое творение, ты войдешь в историю. Если, конечно, Гильдия не примет во внимание,

то, что ты хотел создать существо с целью нанести вред.

– Это неправда, ничего плохого и в мыслях не было, – попытался оправдаться я, но он покачал головой:

– Ты хотел самоубиться – это вред. Ты сделал глупость – это вред. Ты не можешь понять свою цель – это вред.

– Я хотел прорыва!

– Левский, ты вроде самый успешный, вроде книги читал, но ты же самый тупой из мастеров. У тебя все было! Все, понимаешь! Семья, деньги – даже время! А ты грохнул самое ценное ради непризнанной гениальности. Вот скажи, – он зло обернулся и перешел на шепот, – оно того стоило? Твой эксперимент стоил этих неполных пятнадцати лет? Не можешь ответить? Нет? Вот и молчи. Я каждый день задаю себе этот вопрос и не могу ответить. Стоил ли мой родной Фарион моей жизни? Даже я не знаю ответа!

В парк мы пришли в темноте. Я сел около ревущего огня и попытался представить. Крылья и запах цветов. Холод воды и скользкая кожа ската. Тепло огня. Плотность земли. И силу своей крови.

Ко мне, чертово создание!

– Мы зря ушли из библиотеки, – сказал я. – Потому что ты был прав, он был создан, чтобы уничтожить.

Вааль непонимающе уставился на меня.

– Хотелось бы, чтоб все было иначе. И тебе повезло что ты уже старик, – он попятился от меня, – я знал, что ты умрешь, знал... и тебя я не ненавидел, не мог ненавидеть.

Ты, мой друг, ты всегда мне помогал! Но вот твои книги... Как же ты в них врал! Почему, почему я тебе поверил? Ты же их пацаном писал? Вместе с Джаредом... Восторженный идеалист, думающий о том, как бы открыть путь другим... Мастер... – я закашлялся, и почти выплюнул – Вааль. Идеалист, что б тебя...

Я побежал в библиотеку, бегом, так быстро, как позволяли мои дряхлые ноги.

«Нам следовало раньше обратить внимание на раздражающий шелест позади», – была моя первая мысль. А следом я подумал, что Вааль был прав, и зверушка правда слепая.

Он разрушил всю библиотеку. Искромсал ненавистные мне книги зубами, потом перекопал пол, сгреб кучу бумаги в центр и дал несколько мощных разрядов. Это мы узнали из записей охранных глаз, которых в Гильдии было море. Когда я пришел, полыхало уже все здание, и внутрь я войти не мог. На пороге, около разбитых в щепу дверей и уничтоженных слов, сидела маленькая зверушка, похожая на крысу. Вместо шерсти у нее была серебристая чешуя, прозрачные крылья сложены вдоль тельца. Почуяв меня, он расправил крылья и на мгновение исчез, даже быстрее, чем могло бы колибри. Рядом со мной покачнулся сначала правый фонарь, потом левый, и только потом кртолибри приземлился у моих ног.

Сзади стоял запыхавшийся Вааль.

– Вот так и пиши полезные книги! – Выдохнул он.

– Расслабься, – сказал я ему. – Книги, конечно, были по-

лезные. Но не твои. Лучше бы ты написал что-то другое. Бесполезное.

Меня накрыло таким спокойствием, которого я раньше не знал. Я был свободен – жить или умирать, творить или ремесленничать ради золота.

– Знаешь что, – после долгого молчания зло бросил он, – я напишу еще одну книгу. Бесплезную. Биографию. Увековечу тебя, Левский. И гений твой увековечу.

Я лежал в больнице и восстанавливался после обжига: разыгрался внезапно приобретенный артрит. Но это был почти арест: сертификат у меня не забрали, но за разрушение Гильдии полагалось наказание.

Условное, правда: Вааль, все-таки свидетельствовал в мою пользу, говоря, что я создавал существо с великой идеей, но установить власть над такой сильной сущностью удалось не сразу. Кртолибри обещали вернуть мне после долгих исследований. Мне предстояло крепко обдумать будущее, которого у меня стало значительно меньше. Но зато появились кое-какие идеи. Я точно знал, чем я хочу заниматься. И, может быть, тоже напишу пару книг, но, в отличие от Вааля – научных. Как-то так вышло, что я создал керамиков больше всех нынешних мастеров. И мог уже достаточно точно сказать, сколько жизни тратилось на определенные вещи. Про кртолибри Гильдия уже попросила (потребовала!) написать обоснование и выкладки. Я был рад: вопреки услов-

ному сроку они даже мой сертификат пересмотрели! А книги... вернули все как было, пара волшебных штук, которые изменяют время на это ушло, но ... книг восстановили.

В любом случае... я посмотрел на жену, сидевшую рядом. В любом случае, мне будет чем заняться. Рядом со мной летал мой мотылек, Стар и Тася играли со своими бабочками.

Эмма принесла только что изданную книгу Вааля с автографом. Я ждал чего угодно, но...

Внутри была короткая записка: «Выздоровливай, мини-тюарист».

На обложке значилось: «Жизнь Мастера Бабочек»

Вот же сукин сын!

Волна

Вчера я думал, что умру. Сегодня я уже сам хотел сдохнуть. Сил идти не было, отчаянно хотелось пить, мир сжимался до заметенных песком следов и обманчивых миражей.

Обжигающее небо каждым отблеском солнца спрашивало нас: «Зачем, вы, люди, пришли в пустыню?»

Пескам наша цель была дика и непонятна. Этому призрачному, раскаленному миру любая жизнь враждебна и чужда.

Мы не шли – бежали. Но с самого начала понимали, что не успеем. Что наша погоня – отчаянный шаг без проблеска надежды. Что может сделать отряд простых солдат в песках?

– Эх, был бы у нас в отряде настоящий Гончар! – прохрипел Эль.

– И он бы ничем нам не помог, – буркнул я. Разговор этот уже не впервой: полгода назад меня определили в их отряд. Кто-то из отдела кадров проболтался, что я по юности учился Гончарному делу, и сослуживцы то и дело мне это вспоминали.

Отношение к Гончарам у простых людей было как к волшебникам: мол, все они могут!

Здесь, на этой бесконечной сковородке оказался бы бессилён даже самый прославленный Гончар. Здесь не было глины, не было печей; да и что тут можно создать? Одушевленные керамики – это небольшие фамильяры. Даже созданный самим Мастером Бабочек – чем бы он нам помог? Наш отряд унес бы разве что слон. Но огромных зверей не создавал никто. А так называемые «магические» вещи... была у нас пластина-карта, которая показывала, где мы находимся, без компаса и звезд. Их выдавали каждому отряду. Стоили они дорого, но в заданиях на местности были незаменимы.

А я даже и таких вещей не умел делать, потому и бросил учиться на Гончара. Потому и в армию пошел: особого таланта не было ни к чему, а жить на что-то надо.

И вот нас послали сопровождать посольство к синим орохористам. Через пустыню. Мимо проклятой всеми Дирремы. Попросили поддержки нашего гарнизона. Нам пришел приказ: поддержать всеми силами. Вот могли же они пройти через долину Фариона! Так нет, черт их дернул идти мимо Дирремы, где сгнула Великая Ведьма!

Посольство не дошло до форта. Отряд пустынных разбойников в черно-желтых плащах умыкнул мадам посла. Выкуп не требовали, просто умыкнули. И тащили вглубь пустыни. Пришел приказ: нагнать и леди освободить. Есть у нее некий важный документ, содержание которого нам, солдатам, знать не обязательно.

«Сдохните, но верните», – вот как звучал приказ.

Ну мы и рванули. Вот только гоняться за этими негодьями по пустыне... Даже карта не помогала. Мы видели их вдаль, но каждый раз это оказывался очередной мираж, а мы все дальше и дальше уходили в пески.

Сегодня и понял, что вернуться мы не сможем. Вернее, понял я это давно, но... сегодня пришло отчаяние. Эль не хотел вставать, Раац хрипло бормотал что-то невнятно, да и я сам упал, и содрал руку о камень.

По пальцам стекала кровь. Густая, горячая, она капала в песок. «Эль» – попытался позвать друга, чтоб он хоть губы смочил. Но я не произнес ни звука – горло пересохло, и не хотело слушаться.

Я упал на голени, пустыня впитывала мою кровь. Каждую каплю. Песок на мгновение темнел, а потом солнечная печь снова сделала его сухим.

«Пусть мы дойдем» – крутилась в голове одна-единственная мысль

Пусть мы дойдем... знакомый, манящий голос подпространства звал меня. каждый Гончар, даже такой недоуч-

ка как я, знает этот голос. Голос, позволяющий нам создавать чудеса.

Я упал – ниже песка, в тот мир, которому нет названия, которого нет на карте. Тот мир, из которого вытаскивают карты. В мир, где возможно все. Главное – правильно задать цель и заплатить кровью.

Пусть. Мы. Дойдем. Живыми.

– Эй, очнись! Что ты натворил? – Эль тряс меня за плечо. – Мы еле успели тебя забинтовать!

– Что? – Я с трудом открыл глаза – и не поверил сам себе: я не умер и мы двигались. Вернее, мы стояли на месте, а двигался песок под ногами. Мы как будто стояли на гребне волны, которая неукротимо бежала вперед. Она несла нас по пустыне, спасала. Я видел вдалеке оазис – уже не мираж, а реальный, настоящий, где была вода и жизнь.

Волна донесла нас туда, и замерла, но я чувствовал ее под ногами. Делая шаг, я ощущал, как земля хочет отнести нас к цели и дрожит от нетерпения.

... мы пили воду как в первый раз в жизни. А когда, наконец, отдохнули, Эль спросил снова:

– Так что ты сделал?

– Не знаю, – честно ответил я, – я ведь Гончар-недоучка.

Что-то да сделал.

– Надеюсь, твое "что-то" донесет нас до этой королевны.

– Донесет, – легко согласился я. – Эта Волна дойдет до цели.

Я это знал – как каждый Гончар, меняющий мир своей кровью.

У каждого свое время

Перед ним в очереди было еще семеро, все нервничали и перешептывались, а он сидел и вертел в пальцах старый медальон.

Все ждали возможности – волшебного шанса. Что их выберут в ученики к кому-то из Мастеров Гильдии, увезут в недавно построенную Академию, и будут они жить недолго, но счастливо и богато.

А на Эрика все просмотры навевали тоску. Особенно тесты на сообразительность: он всегда отвечал "в лоб". Надо было как-нибудь интересно вывернуться, сказать что-то новое, оригинальное. В прошлый год взяли Стачка, а он нес какую-то чушь про камбалу, на вопрос про украшение. Эрик-то сразу ляпнул "бусы", поймал хмурый взгляд приехавшего мастера, и понял, что не выбраться ему из этой дыры никогда. Он смирился, что его, наверное, никогда не отберут в Гончары – так и останется в подмастерьях.

Но продолжал приходить на «смотрины». Парни посмеивались над ним, да и куда ему? Уже шестнадцать, последняя возможность вырваться из этого богом забытого места. И даже если не получится, остаться в стороне и даже не попробовать? Нет уж, надо драться до последнего!

В конце концов, главное качество Гончара – воображение. Главное правило – "все, что ты можешь представить, ты

сможешь создать"

Да, были разные ограничения. Много ограничений. Но, как показывала история, весьма условных. Например, недавнее спасение посольства из пустыни. Тот солдат даже Гончаром зваться не мог, такой же недоучка как и Эрик. Газеты этого не писали, но Эрик слышал, как Мастер Димов говорил об этом с другими Гончарами. Что парень смог создать нечто уникальное, правда повторить это даже солдат не сможет. Да и вообще, он свою Волну дорого поплатился, лет пять жизни потратил. Его едва в госпитале спасли.

Эрик же отлично понимал, что на месте того солдата в жизни бы не догадался создать волну из песка. Так бы и помер, и пять лет жизни не помогли бы.

Ребята впереди галдели, перешептывались. Говорят, сегодня приехали "сами" Вааль и Мастер Бабочек. Вот уж невидаль! Левский "Мастер Бабочек" был самым известным теоретиком и основателем Академии, а Вааль – действующим главой Гильдии Гончаров. Эрик наморщил лоб: да хоть сам Бог, как говаривали синие орхористы.

– Эй, может, ты домой пойдешь? – участливо спросил его Вик. – А то только время займешь да опозоришься перед великими Гончарами.

Вик сидел в очереди следующим после Эрика. Он был младше, смысленее и талантливее. Но отличался редким раздолбайством – делал все в последнюю минуту. И издеваться над старательным Эриком ему нравилось.

– Эрик Маковский! – раздался голос из-за двери. Он вско-
чил так резко, что уронил стул. Вик и остальные заржали. Ну
и черт с ними. В любом случае он с ними больше не увидит-
ся. Он толкнул дверь и зашел.

За столом владельца мастерской сидел высокий седой ста-
рик с пронзительным взглядом отставного генерала. Он смот-
рел как человек, который видел слишком много. А рядом, в
удобном мягком кресле сидел мужчина средних лет. Его за-
лысины и седые прядки тоже говори о том, что он не молод,
но легкая ироничная улыбка скрывала возраст.

– Садись, – указал ему на свободное кресло улыбчивый, –
поговорим.

Эрик сел, сжал руки и выпрямил спину. Мастера перегля-
нулись.

– Давай ты сначала, Левкий, – махнул карандашом суро-
вый старик. «Значит, сам он – Мастер Вааль, создатель ор-
лов-дозорных» – Эрик с жадностью принялся его рассмат-
ривать. Он не понимал повального преклонения перед Лев-
ским – ну да, талантливый минитюарист, гений, создатель
химеры. Но седой старик Вааль по календарю куда моложе
Левского – он не тратил свою жизнь и кровь на что попало,
его творения были более достойны памяти.

– Скажите, Эрик, – его мысли прервал Мастер Бабочек, –
попроси я вас найти человека в пустыне, что бы вы создали?
«Как их пронял-то эпизод в пустыне» – подумал Эрик. Но
что бы он создал? Левский спокойно и внимательно смотрел

прямо в глаза, и ждал ответа.

– Не знаю, – ой, говорить этого нельзя, – может, карту, которая бы показывала местоположение?

Левский хмыкнул.

– Есть уже. Давай ты, Вааль.

Старик перелистнул пару бумаг в личном деле Эрика, задумался и помолчал минуту.

– Вот представьте, – он встал и заложил руки за спину, – вам заказали оружие...

– Но ведь нельзя создавать то, что принесет вред...

– Верно, но все в мире можно использовать во вред. И оружие мы тоже иногда создаем. Итак, вам заказали...

Эрик печально вздохнул – он уже был готов сдаться. Сейчас опять какую-то банальность спросят, а он тупость ответит. Как с предыдущим вопросом: ведь знал же, что есть такие карты, но все равно ляпнул!

– Так вот, вам надо создать оружие. Но никто и никогда не должен понять, что это оружие! Никаких ножей, мечей и прочих очевидных вещей! Давайте, включите мозг! – Мастер Вааль прошелся по комнате и остановился совсем рядом.

– Вы же зачем-то сюда пришли? Уже седьмой год подряд – завидное упорство, хотя я не вижу в вас надежды. Ну так что? Назовите мне что-то, что бы вы вручили секретному агенту. Чтоб никто не догадался что это! От этого зависит ваша судьба!

Что-то секретное, необычное, убийственное. Семь лет

подряд. «Ну извините!» – хотел он крикнуть, но сдержался. Извините уж, он упорный. Есть ради чего стараться, деньги нужны на лекарства. А тут они приходят и задают тупые вопросы!

– Отвечайте! – практически приказал Вааль.

Эрик скользнул взглядом по комнате, и назвал первое, что попало на глаза:

– Тапочки.

– Что, простите? – удивленно переспросили оба Гончара.

– Тапочки, – повторил он. – Ими можно убить. Можно затолкать врагу в глотку, можно сделать их скоростными, и зашибить его. А если взять тапочки уборщика, то враг сдохнет от одного только запаха. Еще можно сделать их гигантскими и дать раскрасить Вику – он там следующий в очереди, и каждого хватит кондрашка от отвратного сочетания цветов. А можно тапочки испортить, и враг натрет мозоли и помрет от заражения крови. Еще вопросы? Что еще мне вам рассказать, что вы и так знаете?

Мастера переглянулись и рассмеялись.

– Тапочки, значит, – старик Вааль черкнул что-то себе в блокноте. – Пойдешь со мной, Эрик.

Что? Что, что, что? Тапочки? вы серьезно? Он же пошутил, разозлился, и даже готов был сам затолкать их в глотку экзаменаторам! Да быть не может! Если бы знал, что можно сморозить любую фигню, давно бы прошел!

– Это был правильный ответ? – хрипло спросил он у Ма-

стеров. Те переглянулись.

– Нет в нашем деле правильных ответов, – сказал ему Левский. – есть только терпение и чуточку таланта. И смелость, отчаянная смелость. У тебя она есть.

Долина Фариона

В мастерской стояли двое. Юноша в рубаше и фартуке, с руками грязными от глины, склонил голову. Старик в костюме ходил вдоль куч глины, песка и столов, постукивал тростью и молчал.

– Мастер, – не выдержал юноша, – простите, я не подумал...

Старик остановился. Посмотрел внимательно – и ученик отшатнулся. Столько всего было – и гнев, и боль. Казалось, что учитель готов ударить.

– Эрик, – в мягком тоне плескалось с сдерживаемое негодование, – Эрик, твоя невнимательность тебя погубит. И хорошо если только тебя.

– Никто бы не заметил, что я взял красную глину вместо голубой! Мастер Левский говорит нам в Академии, что творчество очень важно.

Старик вздохнул и призвал все свое терпение, чтоб не обругать знаменитого Мастера Бабочек непотребными словами. Чему он там в своей Академии детей учит? Нет, учит-то он их хорошо. Чем дети думают?

– Парень, – ученик снова сделал шаг назад и теперь уперся в стену. А старик не заметил этого и продолжил. – Лев-

ский за свою жизнь сделал больше тысячи керамиков. Больше него никто в истории не создавал! Он может позволить себе творить. А вы – идиоты, сначала выучитесь! Ты думаешь, правила создали просто так? Ножик он решил сделать из красной глины потому что лень за голубой идти! А если он превратится в дым в руках у человека? А если...

Старик заметил, как мальчишка сжался и остановился.

– Головой своей дубовой думай, а то к орхористам отправлю, – выплюнул он, и хлопнул дверью, оставив юного подмастерье терзаться в сожалениях и страхе.

Мастер Таале Вааль привалился к стене. Потом сел на лестницу – прямо на холодные каменные ступени – и разревелся как мальчишка. Как же они не понимают, что есть правила. Сначала Левский, потом Эрик...

Мастер Таале Вааль ушел в воспоминания. Память – тоже своего рода магия.

... его отец не был Гончаром. Мастером был дед, а отец насмотрелся на слезы родных, на быстро гаснущую жизнь близкого человека, и решил не лезть в волшебство. Ирджо Вааль рассорился с родными и пошел служить в армию. Что ему волшебные предметы? Что ему фамильяры, за которые надо было отдавать годы жизни? Он решил защищать Родину. Старшую дочь согласилась приютить сестра, а вот сына Ирджо никому не хотел оставлять.

В год, когда маленькому Таале исполнилось пять, они переехали в приграничный город Фарион. Предгорья, дикие леса, таинственные озера – и постоянные стычки с синими орхористами. Долина Фариона была богата на редкую серебряную глину, а в горах добывали руду. Орхористы пробовали на разрыв местные гарнизоны с завидным упрямством.

Тогда еще не было способа увидеть дальше взгляда человеческого. Кто-то пробовал создавать карты, но они быстро выходили из строя – неживой предмет не желал долго показывать меняющуюся реальность и рассыпался на части. Но все равно, полгода-год одна карта местности с охватом в несколько лиг работала и порой спасала гарнизоны.

Таале Ваалю нравились живые карты. Нравилась рябь, которая пробегала порой по бумаге. Нравилась красные пятна, которыми волшебный предмет показывал опасность. Нравилось трогать пальчиком оббитые серебром уголки и думать, что капля крови и мгновения жизни какого-то мастера создали такое чудо.

Вот и сегодня, когда Ирджо взял сына в караулку, он тихо сидел, зачарованный меняющимися линиями.

– Сына, оставь ты эти глиняные недоделки, пойдем пить чай. – отец разложил на столе хлеб, развернул промасленную бумагу и порезал ароматный сыр. Из кармана жестом фокусника достал два чуть помятых каивских пряника.

– Пряники! – Таале хлопнул в ладоши и оставил карту в покое. – Пап, можно? Правда, можно?

Дорогие столичные пряники редко доходили до приграничных городов – праздник, не иначе – такое редкое лакомство. Разговор, веселый мальчишка, на которого отвлеклись два уставших офицера...

После Вааль повторял события в памяти снова и снова. Думал так и эдак: можно ли было что-то изменить. И чем больше он размышлял, тем яснее виделась ему неизбежность рока.

Отец хотел отвлечь сына от творений Гончаров. Угощал пряниками, повел гулять на стену. Рассказывал, что вот они вернуться и навестят маму в больнице. Говорил что угодно, лишь бы не вспоминал деда и не возвращаться в караулку, где лежала ненавистная ему, но манящая сына волшебная карта.

– Ирджо, что, совсем не кому? – на обходе старший офицер покосился на мальчишку. – Пока тихо – ладно, но на следующей неделе приедет генерал из столицы. Поищи куда его пристроить.

– Есть, сэр! – ответили двое караульных.

– Еестисер! – повторил Таале с лавки.

Какой хороший человек устоит перед улыбкой ребенка?

Офицер ушел, потрепав мальчика по волосам. Служба продолжилась.

– Таале, оставь карту в покое.

– Но пааап! Смотри как интересно! Ой! – он кольнул палец о серебряный уголок и по волшебной картинке леса и

гор расползлась капля крови.

– Да что ты будешь делать! Иди рисуй за столом! – Ирджо стер платком кровь, отогнал сына от магического инструмента и отошел сам. Глаза бы не смотрели на эти гончарские штучки! Из-за них старик жизнь отдал, угасал все сильнее с каждым творением. И сын туда же...

Таале принялся рисовать. Он придумал на бумаге свою мастерскую. С большой печью, столом и серебряным ножом – мастерскую настоящего Гончара.

– Пойдем выйдем, – Ирджо заметил, скомкал листок и вытащил сына на улицу. Шел мелкий дождь, по перевалу ползли облака, скрадывая видимость.

В караулке оставался только сонный сослуживец, а отец объяснял сыну под промозглым небом, почему не надо быть Гончаром. Почему надо жить своей жизнью. Почему ...

Почему никто не заметил, как от пятна крови карта посерела, а магическая рябь исчезла? Почему?

Старик Таале Валь на ступенях сжал кулаки.

А мальчик в холодном горном воздухе воспоминаний посмотрел на своего отца.

– Пап, но я хочу стать хорошим Гончаром, чтоб не зазря. Что в этом плохого?

Ирджо ударил кулаком по камню. Отошел и стоял поодаль, пока не начали спускаться сумерки, а морось и туман поглотили видимость.

– Иди в караулку, Таале, я приду позже.

Отец и правда вернулся, просил беглый взгляд на карту – не увидел красных пятен опасности и сел. Таале примостился рядом и грустно доедал пряник. Потом задремал.

... потом пришли крики.

– Долина Фариона горит! Синие! Бегите!

Таале выскочил вместе с мужчинами на улицу – сквозь предрассветный мрак и пробивалось зарево. Резко кричали птицы. Где-то в высоте летел горный орел.

– Но карта, – побелевшими губами сказал второй офицер. – Ирджо, ты видел что-то?

– Нет, – сипло ответил отец. – Я не смотрел на нее.

Город горел.

«Из-за меня» – маленький мальчик на перевале смотрел на летящих, напуганных горных птиц. Вот если бы он мог видеть, как орел... Он бы знал заранее...

Фарион отстояли. Синие не смогли прорваться. Но это была самая большая и кровавая стычка со времен войны. Сгорело пол-города и больница

Отец отправил его в столицу к родственникам и покончил с собой, не дожидаясь приговора военного суда.

Уже после Таале Вааль узнал, что не виноват в том, что карта отказала. Просто Мастер Иваров использовал не ту глину и недопек изделие. Устал, подумал, что сработает. Карта и работала – вместо гарантированного года – всего два месяца.

Но в том, что отец отвлекся и не увидел, отказался смот-

реть на карту... в этой вине Таале Вааль себе не отказывал.

Каждый раз, создавая волшебного орла, он помнил горящий Фарион. Если бы он только карта не сломалась. Если бы только он не расстроил отца... Если бы...

Он всю жизнь разменял на птиц, которые стерегли границы. Птиц, чей взгляд видели люди. Что видел орел – то видели и люди на живых картинах-экранах. Птицы жили десятилетиями. Должны были. Он все делал идеально. Лишь бы не было войны.

– Простите, Мастер Вааль.

Рядом сел непутёвый ученик. Вааль подобрал его в окрестностях Фариона пару лет назад. Эрик напоминал ему самого себя – упорный, наивный и честный.

...он просто не знал боли, понял Вааль. И в этом виноват его мастер, а не он сам.

– Эрик, послушай, – он повернулся к ученику. – Ты – Гончар. Это значит, что ты можешь умереть в любой момент. Ты это знаешь, мы все знаем – и нам все равно. Но представь, что от твоей ошибки сгорел бы твой родной Фарион.

Юноша замер.

– Представь. Огонь ползет по домам и больнице... Люди кричат. Помни... Помни о Фарионе.

Старик пошел домой, оставив юношу думать.

В конце концов, в незнании виноваты не дети, а старики, которые устают учить или бояться вспоминать.

Не потеряться

Небо, бескрайнее небо. Или вода? Океан, пустота?

Рябь облаков или рваные волны вокруг? Как ты узнаешь, где берега? И есть ли они?

Да что вы знаете о бреде и эйфории? Таале Вааль мог писать книги (да и писал), о том высшем наслаждении, недоступном простым смертным.

Он смотрел на юношу, пытавшегося создать первого в жизни живого керамика, смотрел как он закрывает глаза и погружает пальцы в мягкую глину, как режет руку и кровью выводит странный узор.

Он следил, и был готов в любой момент вытащить парня, не дать ему раствориться в непроявленном мире. В руках у него были странные часы, стрелки на которых шли в обратную сторону. Тик-так, движение времени и цель, вот что не давало потеряться.

Он знал толк в эйфории – безумной, ни с чем не сравнимой, умопомрачительно дорогой. Этот кайф не стоил денег, наоборот, платили ему. Этот кайф стоил жизни и был дорогой в один конец.

Вааль никогда не боялся нырять в подпространство, даже теряя себя, даже спаивая в единое целое живую птицу и тонкий механизм, создавая отражения реальности. Это было сложно, безумно сложно – в деталях представить горного орла или степного ястреба, погрузится в его ощущения, про-

чувствовать, как он видит реальность. А потом запечатлеть на зеркале – не статичный рисунок, но все, что видит птица.

Первый раз Вааль “потерялся” лет в шестнадцать. Ему заказали орлов для патрулирования южной границы – пограничные стычки с орхористами возобновились, армия стягивала все силы и использовала все возможные артефакты. Главным в задании была “как можно скорее”, а он был молод и глуп. Решил лепить по три птицы в день. В первый день он как-то справился. А на второй вечер – уже нет. Его накрыло с головой острое чувство нереальности. Он понимал, что плывет в подпространстве, но не мог вынырнуть в реальность. Не хотел. Зачем? Тот, волшебный мир плавных линий и исполняемых желаний был куда притягательней.

Первое, что он почувствовал – ноги. Учитель стянул с него тапочки и принялся щекотать. Глупо, нереально, противно – но он почувствовал свое тело, смог вернуться. С тех пор он всегда вспоминал тапочки, когда не мог вынырнуть.

Но страха не было – ни тогда, ни сейчас. Экстаз творца затмевал все, манил со страшной силой. И не один Гончар не мог противиться этому зову. Но он держался, старался помнить кто он и зачем выпускает свою кровь.

Единственный раз он испугался, когда за ним позвала Эмма.

«Он не выходит из мастерской несколько дней подряд!» – причитала она, и просила, чтоб сходил и посмотрел.

Вааль почему-то сразу понял, что Левский что-то учудил,

больно у него взгляд был отчаянный последний раз. А у Вааля – острая, холодная зависть. К его таланту, его усидчивости, его успеху, богатству. Но самое главное – все Мастера завидовали времени Левского. Долбаный минитюарист. Маленькие бабочки, пчелки, змейки. Красивые, ювелирные – но живые. Свою жизнь и кровь он тратил, но в разы меньше, чем любой Гончар. И жить должен был намного дольше.

И вот, плачется его жена, что Левский загулял. Творческий кризис. Вааль плюнул, собрал волю в кулак, взял трость и похромал к его мастерской.

Он был там, это чувствовалось сквозь стены. Внутри билось другое пространство. Едва Вааль открыл дверь, как сам упал на колени. И никогда не было у него такого дурмана, такого экстаза – что бы ни творил, сколько крови бы ни проливал.

Стало страшно – если его, стороннего человека, так захлестнуло чужой творческой волной, то где сейчас Левский и как его вытащить?

Вааль чувствовал, что сейчас вскрыет себе вены в попытке создать... что? Да не важно. Едва сдерживаясь, сделал шаг к Левскому – он мирно сидел в кресле. И можно было подумать, что он дремлет, но это было не так. Сон ни имеет ничего общего с тем чувством, что испытывали Гончары. Вааль потряс его за плечо, пощекотал – но он не шевелился.

– Васик, очнись, очнись... – голос Левский не слышал. Да и никто не слышит голосов реальности, будучи по ту сторо-

ну.

Как его вытащить? Что он пытался сделать и зачем? Бессмысленный, сильный всплеск чистого творчества без цели – вот что было перед глазами.

Ножи лежали на столе. Серебряный нож Гончара, раны от которого затягиваются сами. И обычный старый ножик, запачканный кровью.

Вааль на мгновение колебался: а сработает ли? Но все же рискнул, взял маленький комок глины, и сел рядом с другом. Провел сначала по своей руке ножом, и поморщился от боли. Спустя пару минут рана затянулась. Он также провел металлом по руке друга. Пальцы, сжимающие нож дрожали, и он отложил его в сторону. Пока рана не затянулась, он соединил рук на комком глины, и нырнул сам.

Он мысленно звал Васику снова и снова, и чувствовал его присутствие везде: в тених и мельтешении энергетических потоков, в волнах непроявленного. Он был там, и в то же время – уже растворялся, исчезал.

«Мне нужны тапочки», – вспомнил он, и прокричал это вслух. Это звучало смешно, наивно, но ему нужен был «якорь», что-то. Связывающее его с миром из плоти и крови.

«Мне нужно вытащить его» – повторил Вааль. «Помоги!»
ПОМОГИ МНЕ!

Он знал, в подпространстве – главное задать цель. Главное знать, что ты хочешь и не вестись на ложное всемогущество и экстаз. Как в жизни.

Он смотрел на друга, который начинал шевелиться. Кажется, удалось. Кто бы мог подумать, что великого Гончара спасет воспоминание о простых тапках.

Самая холодная ночь

Холодный снег заметал тропинки. Ромей подпрыгнул. Раз, два, три. Надо бы найти войлок... Или ткань – стельки сделать. Украденные ботинки были летними, не для промозглого предзимья славного города Каива. Не для этой зимы.

– Ром! – Дари махнул рукой. Пойдем! Рынок еще открыт! И булочная тоже. Успеем еды стащить.

Ромей обернулся на парк. Хотелось... Он завидовал обычным детям. Он видел, как украшали улицы, как создавали праздник. Ему тоже хотелось чуда.

Ром догнал друга. К булочной они опоздали, хозяин уже закрывал дверь.

– Пошли вон, оборванцы!

– И чего он разорался? Взяли бы пару булок... – Дари произнес это шепотом, но пекарь услышал и схватился за метлу.

– Пойдем! – Ромей дернул друга за рукав. Надо успеть на рынок.

Улицы города скрывала пурга. Белая пыль глушила шум, скрывала шаги и казалась таинственным, особенным миром, где должны жить свои, зимние феи и волшебницы. Но снег лип к ботинкам, падал за шиворот холодными иглами, напоминая о том, что реальность – не такое уж чудесное место.

Замерзли руки... Ромей уронил кошелек...

– Ах ты ворюга! Вот я тебя...

Ларик спас его, выдернул. Затащил за угол.

– Ром, ты чего? Держись! Вот, съешь, – Дари протянул кусочек колбасы. Ромей смотрел ему вслед: Дари убежал обратно. Обрезком колбасы двоим не наешься. Надо еще что-то найти. Мальчик смахнул снег, сел. Надо ждать друга... Только не спать. Аромат сырокопченой конской колбасы... Надо подождать Дари, поделиться... Надо...

Ромей проснулся от боли. Ноги замерзли. На улице было темно. Друга все не было. Только липкий холод. Только мокрый снег. Тишина. Одиночество. Страх. Шаги – неизвестно чьи. Мальчик обернулся. Всего лишь собака! Пес принялся к колбасе.

– Это мое! – Ром поднял еду. Надо уходить. Он попытался встать, но не вышло. Ноги не слушались, сел не было. Рядом сидел голодный пес и облизывался, и мальчик понимал, что если собака решит броситься на него, то не будет у него ничего.

«Прости, Дари, не поделюсь», – грустно подумал он и начал жевать замерзшую колбасу. Кажется, вкуснее ничего не ел. На лице таял снег. Или слезы? Он не знал.

Он кинул шкурку собаке. Снял ботинки и растер ноги. Сначала пришла боль. Иглы тепла пробили насквозь и Ромей все-таки заплакал. Пес заскулил в ответ. Больно, больно. Ну лучше так. Надо что-то придумать... Он оторвал кусочек ру-

кава. Вот, пойдет на стельки. Ерунда, конечно, но не дырка. Он пришел на площадь, но уже людей не было. В центре стояло нарядное дерево. Фонари, игра света, магия. Кому она нужна... Танцующий снег заметал следы. За закрытыми дверями – голоса. Веселые голоса, яркий свет. Праздник Сердца Зимы... Ромей усмехнулся. Можно было кричать, можно было стучать. Никто не откроет. Никто не выйдет на улицу. Праздник Сердца Зимы. Самая длинная ночь. Снаружи – холод. Снаружи – ночь. Снаружи – смерть. А дома огонь и праздник. Тепло, чтоб отпугнуть страх. Вкусная еда, и свечи. И капля крови – цена. Всего капля – на огонь. Чтоб загадать желание. Просто ритуал, суеверие... Подражание магии Гончаров.

... Ромей прошелся по площади. Около дерева горел огонь. Немного живой, немного магический. Почему бы и нет? Мальчик поцарапал палец о камень. Кровь упала в огонь. «Я просто хочу...» начал он, но порыв ветра смял слова. Но желание Ромей загадал. А толку... Он обернулся – никого не было. Не было ни Дари, ни Ларика.

... но он ждал. Мальчик сломал веток, постелил под елкой и укрылся оставленным кем-то шарфом.

... чуда не произошло. Никто не пришел. Днем он услышал стражу. Те говорили о беспризорниках, которых поймали перед праздником и отправили в приют.

Ромей шел по улицам. Один. Куда увезли друзей, он не знал. Да и не сможет узнать, так и не найдет их. Заснеженные

улицы Каива угнетали своей красотой. Ноги само привели его в парк, где вокруг фонарей летали волшебные бабочки. На площадке между ледными скульптурами дети играли в снежки. Обычные дети... Вот бы и ему ...

– Эй! Осторожно! – Он увернулся от снежка. Девочка подбежала к нему. – Пойдешь с нами?

Он покачал головой.

– Почему ты не играешь? Заболел? Я – Тася, пойдем играть?

Он хотел сказать... Разве она не видит? Рваную одежду, ботинки. Но она потянула его вперед. В компанию ребят.

«И почему я не играю?» Он почувствовал себя чьим-то, обычным. Счастливым. Но ненадолго. Пока других не позвали домой. Других, не его. Ребят становилось все меньше.

Ромей кинул последний снежок дальше чем надо, и попал в какого-то старика.

– Извините, дедушка, – сказал он. Но старик взъелся.

– Да какой я тебе дедушка! Сейчас в снег закатаю! Потом похищу и утащу!

И рванул за ним. Начал играть с детьми. Закидал всех снегом.

– Ну все, хватит. – Он остановился. Прижал руку к сердцу. Дети замерли, напуганные.

– Что, поверили? – он снова рванул. И завалил кого-то в снег.

... Последний мальчик ушел домой. Ромей, стесняясь, по-

дошел к старику. Тот разговаривал с другим, еще более старым дедулей.

– Вы правда меня заберете? – спросил он. – Правда не отпустите? Правда?

Мужчины долго молчали.

– Ну, пойдём..., – сказал старик. – У нас пирог есть.

– А колдовать научите?

– Как вести себя будешь. – Старик ухмыльнулся. – Меня зовут Мастер Левский. А тебя?

«Я просто хочу дом».

Капля крови в огне. Сбывшееся желание.

У тебя есть дом, Ромей. У тебя он есть.

Мы все умрем. Но это не точно

Два мастера выпивали в зимнюю ночь. Сторонний наблюдатель принял бы одного из них за отставного генерала – подтянутого, с суровым взглядом, а второго за рыхлого профессора литературы. И только руки – обветренные, мозолистые, с потрескавшейся кожей не вязались ни с аристократическим обликом первого, ни с интеллигентным второго.

Эмма приготовила горячий грог, напекла пирогов и приготовила мясо. А потом тактично ушла вместе с детьми гулять в парк, а потом проведать родителей.

– Чудесная у тебя жена, Левский. Прямо-таки замечательная. Мечта, а не женщина.

«Профессор» прищурился.

– Не завидуй, Таале. После твоей книги она забирает у меня ключи от мастерской и выдает, только когда есть заказ. И то не всегда.

– Бережет – значит любит, – глубокомысленно произнес Таале Вааль. – Давай выпьем за это.

Левский хмыкнул и молча поднял бокал.

За окном падал снег – редкий гость в столице, не то что в горных районах. Вааль поймал взгляд друга и тоже уставился в окно.

– А в Фарионе сейчас сугробы по колено, – задумчиво протянул Вааль. Там грогом и каминчиком не отделаешься, надо топить печи по два раза на день.

Левский глотнул еще.

– А почему мы не придумали ничего для отопления? Какую-нибудь шкатулку с теплом или вечно теплые пластины?

– Дай задание своим детишкам в Академии. Я уже ничего делать не буду. – Вааль сжал и разжал руку, будто разминая глину. Левский ничего отвечать не стал, отломил кусок пирога и принялся жевать, поглядывая на собеседника. Когда он вытер пальцы о салфетку, и пристально уставился на друга, тот смутился.

– Да, когда-нибудь я все равно возьмусь за глину. Опять.

– Опять, – грустно кивнул Левский. – За это мы пить не будем.

Они снова умолкли, разговор не шел. Их и друзьями-то

сложно было назвать. Скорее собратья по ремеслу, связанные незримыми цепями. Все просто: Гончар может сотворить все что угодно, рассчитавшись временем своей жизни. Это знали все, и простой народ относился к Гончарам с опаской – как к безумным волшебникам. Кто в здравом уме будет тратить год своей жизни за минуту ради сотворения фамильяра? Или живых карт, оружия, украшений? И все это просто за деньги.

Не зря их считали безумцами, но мало кто знал, кроме мастеров, истинную причину того, почему единожды окропив глину кровью и создав чудо, нельзя было просто отойти в сторонку. Творя живое и волшебное, Гончар испытывал ни с чем не сравнимый экстаз. Мир непроявленного манил и не отпускал.

– Слушай, Левский, Мастер Бабочек ты наш, – Вааль тоже отломил пирога. – Ты когда себе ученика выберешь? Даже я вон уже два года как с Эриком занимаюсь. А ты все одиночкой ходишь.

– Чему я могу научить? – Левский прищурился. – Вот скажи: чему? Как про***ть, (извини, Вааль), свою жизнь? Гончарному делу и теории я учу в Академии. А брать ученика-подмастерье... Мастер должен учить быть человеком, не только Гончаром. Это у тебя лучше получается.

– Зануда ты, Левский, – беззлобно сказал Вааль. – И всегда им был. И глупец редкостный. Потому что поискать еще таких как ты. Вот скажи: зачем Эмма сварила грог? Ты ей так и

не сказал? Она ведь не знает, что нам все равно на алкоголь? Что его вкус – ничто по сравнению с тем, что ты чувствуешь, проливая кровь на глину?

– Знает. Она только не понимает. Думает (только не смейся), что если создавать яркие впечатления, вкусы, то я не так буду зависим от этого, – он махнул в сторону запертой на замок двери в подвал.

– И получается? – с сомнением спросил Вааль. Теперь уже он насмешливо и с неверием смотрел на собеседника. Но Левский встал, подошел к двери и щелкнул пальцами. Замок открылся. Вааль успел заметить вспышку, и в прихожей, судя по звуку, что-то упало. Это был фамилляр Левского, гибрид электроската, крота, колибри и саламандры. Легендарная тварь.

– Видишь, дружище, как я могу? – Левский покрутил в руках замок, а потом внезапно захлопнул дверь и закрыл обратно. – Потому что Тасенька обещала «плюклять папку если он не дозвонит до ее свадьбы с плинцем».

Он стоял, перенося вес тела с носков на пятки и обратно.

– А ты, герой Фариона, мастер орлов Таале Вааль, давно радовался чему-то просто так?

Собеседник не нашелся, что ответить. Левский усмехнулся, нарушив тишину и не стал мучить друга вопросами.

– Пойдем, – просто сказал он. Натянул неказистую шапку, накинул теплый просторный плащ.

На улице падал снег. Мокрый, липкий и холодный. Яр-

кий, белый и праздничный. Дом Левского был недалеко от центральной площади, но они свернули ближе к парку. Деревья украшали светящиеся гирлянды, вокруг некоторых фигур летали бабочки.

– Твои? – Вааль уставился на бабочек как на тараканов.

– Мои, – с гордостью сказал Левский. – их тут два десятка.

– Ты ... того? Сам тут мне рассказываешь про жену и детей, а сам делаешь тут ... сколько? Два десятка бабочек? Ты сколько на это потратил? Год? Два?

– Две недели, – хитро усмехнулся Мастер Бабочек. – Ты не понял, дружище. Тут два десятка гирлянд. А бабочки просто ... ну, как солнечные зайчики от огоньков. Они не живые, но яркие и детям нравится.

Вааль огляделся. Вокруг скульптуры феи, украшенной огоньками, водили хоровод девочки. А чуть поодаль мальчишки лепили из снега какие-то фигуры.

– Знаешь, мне забавно наблюдать как мы поменялись местами. Несколько лет назад я ненавидел свои творения, мне хотелось чего-то грандиозного, признания, почестей. Ты все это имел и пытался мне объяснить, что б я был доволен тем, что имел – время жизни. Но когда я все потерял, вдруг сдался, стал одержимым ты, уже признанный гений и герой. И теперь я тебе доказываю, что жизнь надо любить. Ой! – Левский отплевывался от снега – ему в лицо прилетел снежок.

– Ой! – повторил мальчишка. – Извините, дедушка!

Мастер Бабочек втянул воздух, раздувая ноздри:

– Какой я тебе дедушка, мелочь! Сейчас в сугроб закопаю! – и, прихрамывая побежал за мальчишкой, прямо в компанию играющих детей. – Уууу, поймаю – утащу!

Вааль неторопливо подошел, стараясь не поскользнуться, и местами опираясь на трость. Он не мог бы бегать, если б захотел. Старость... не радость. Он понимал, что Левский пытался до него донести. Но его уже не трогали ни друзья, ни развлечения. Наверное, он попытается сделать что-то грандиозное, чтобы выпустить всю кровь и всю жизнь за раз. Чтоб уйти в порыве творца, а не медленно загибаться.

– Левский, черт! – он принялся вытряхивать снег из-за воротника. Хихикая, к нему подошел друг.

– Ну, кто из нас зануда, а? – Мастер Бабочек был весь в снегу, пуговица на пальто оторвалась, и был виден ремень на брюках. Шапка съехала, из кармана торчали мокрые рукавицы.

Дети расходились, кого звали родители, кто уходил сам. И только тот, первый мальчишка потерянно стоял посреди брошенных снежных руин.

– Тебе чего? – спросил Левский. – Что-то случилось?

– Деду... Дяденька, – поправился он, – а вы меня правда схватите и заберете?

В глазах светилась надежда? Страх? Мастер только сейчас заметил – мальчишка лет десяти был в рваной куртке, тонких ботинках и старых штанах не по размеру. Наверняка из приюта.

– Или у вашего папы уже есть внуки? – ребенок явно услышал фразу у кого-то из взрослых, но прозвучало это искренне и наивно. Мастера сразу не поняли, а потом Левский засмеялся в голос.

– У папы... есть... внуки... ой .. не могу... ох ты мой папочка!

Тут не выдержал уже Вааль.

– Не смейся, Левский! Я не так уж старше тебя выгляжу! И стоит уже пойти домой! А то простудимся.

– Верно, – кивнул Левский. – Пойдем парень. Так и быть, злой дяденька тебя похитит и заставит делать бабочек. Мва-ха-ха-ха!

Накормив мальчишку и уложив спать, два мастера снова уселись за стол. Два мастера-Гончара, потратившие свои жизни на чудеса. Мастеру Бабочек, главе Академии, Васику Левскому было тридцать семь календарных лет, а его другу, герою Фариона, мастеру орлов Таале Ваалю – двадцать девять.

– Ну вот, теперь и у меня будет ученик, – легкомысленно сказал Левский. – Вот за это и выпьем. А если тебе нечему радоваться – вспомни Фарион, который ты спас. И научи своего ученика радоваться, а не пестовать чувство вины. Научи не прятаться в творчестве, как мы. Научи творить ради других. Ты ведь можешь, Вааль.

И совсем уже тихо добавил:

– Я не хочу хоронить тебя раньше времени, друг.

Нет больше чудес

За тонкой границей стекла шел дождь. Первый весенний ливень – еще мерзко холодный, но такой живой. Дождь смывал последние белые краски, уносил прочь последние обрывки зимы, открывая взгляду серо-коричневый мир под голубым небом.

Левский наслаждался видом. Может, это его последняя весна, кто знает?

Старый Мастер-Гончар и дальше бы наблюдал за просыпающейся природой, но заметил, как дрожит мальчишка рядом. Ромей обхватил сам себя руками, будто пытаюсь согреться. А потом и вовсе отвернулся от окна.

– Ты чего, малыш? – Левский коснулся сироты. – Здесь не холодно.

– Не люблю погоду. И это первый дождь, когда я не промок насквозь.

Левский приобнял мальчишку, приговаривая «все будет хорошо». Он случайно подобрал мальчишку в канун новогодних праздников. И с тех пор оставил его у себя на правах подмастерья.

– А что мы будем делать сегодня, Мастер? – робко спросил мальчик. Левский покосился на небо. Обычно весной он отправлялся к берегу реки с кем-то из помощников, пополнять запасы глины. Но сегодня не этот день.

– Пойдем, – он увел Ромея в мастерскую, – вот тебе сито, будем просеивать сухую глину. И фартук не забудь надеть.

– Зачем? – с любопытством спросил мальчишка, накидывая на шею фартук. До этого Левский просил его разве что помочь по дому, или заполнить бумаги. В святая святых Гончара он попал впервые.

– Затем, – терпеливо, как на уроках в Академии, принялся объяснять Левский, что если в мягкой глине попадетсся хоть один камешек или чужеродная крупинка, то пожет разорвать в печи все изделие. Да, и вот через это сито потом просей.

Он протянул мальчику совсем уж мелкую сетку, практически ткань.

– А зачем это все, Мастер Левский? – разочарованно спросил Ромей после часа работы. – я думал, вы колдуете.

– Все так думают, – хитро улыбнулся старик, – и это мы еще за водой не сходили!

Ему вдруг стало весело, как давно не было. Он рассказывал мальчишке будничные вещи, к которым привык, и которые делал не задумываясь, и вдруг простые действия снова стали обретать смысл.

– Вот чан, набери оттуда воды, и принеси сюда. Так, а теперь залей глину. И вымешивай. Просто мешай. А теперь отставь. В соседнем тазу возьми ком глины. Его надо размять. Мягче, мальчик, нежнее. Глина не любит спешки. Глине нужно твое сердце. Смотри, – Левский взял комок глины и размел между пальцами. – Здесь не должно быть и самого

маленького камешка. Мы просеваем, но все же нужно быть внимательным.

– А колдовать... ? – Ромей понурился.

– Подожди мальчик. Ты забыл подмести, после того как сеял. Вот, а теперь бери ком и неси на гончарный круг. Садись. А вот теперь будет колдовать.

Левский щелкнул пальцами, а мальчик радостно приготовился. Но ничего не произошло. Только минуту спустя Ромей обернулся на тихий гул и увидел, как крутится сам собой гончарный круг.

Левский усадил мальчика, и принялся направлять его руки. А он не плох, чувствует движение и не делает лишнего. может и выйдет толк? Они сделали простой горшок.

– А теперь ему надо постоять.

– Сколько минут? – обреченно спросил мальчик. Эх молодость-молодость...

– Три дня, – улыбнулся Левский. – Но ты не бойся, мы сегодня еще и обожжем. Нас вон ждут три кружки.

– А...ладно, – Ромей, повинувшись Мастеру, растопил печь. Поставил, как тот и сказал, другие горшки и акарины с полки.

– Пойдем чаю попьем, обжиг – это надолго, – улыбнулся Мастер.

– Тоже на три дня?

– Нет, к вечеру будет готово.

Сидя за столом, Ромей мешал сахар в стакане снова и сно-

ва. Уже даже и без чая.

– Ну что тебя опять беспокоит, Ром?

– Мастер Левский, а когда же вы колдуете? Мы полдня то глину таскаем, то воду. А когда вы творите чудеса?

– По ночам, как злые дядьки, – Левский усмехнулся. – Ну, ну, мальчик, извини. Я понимаю, тебе скучно. Но чтобы сотворить чудо, пусть даже маленькое, надо сначала перетрясти землю, воду и огонь. Надо сначала столько рутины ... да и сам видишь. Но зато мы сейчас спустимся, и ты увидишь чудо.

Они достали из печи готовые чашки и горшки.

– И правда, чудо? Я сам себе чашку сделал!

– Ага, – Левский расслышал, как скрипнула дверь – то возвращалась с прогулки Эмма, – иди, покажи наши чудеса.

– Хорошо! – Ромей воодушевился, схватил горшок и убежал вверх по ступеням.

– А когда колдовать... – тихо сказал сам себе Левский, – а никогда больше.

Он усмехнулся серебряному ножу на столе. Нет. Он не возьмет его больше в руки. Время дороже магии.

И настоящее чудо будет, если он проживет еще один год. А потом еще год...

Гончар знает

– Папа, папа, а кто нас слепил из глины?

Я грустно смотрю на сына – вспоминаю. Помнится, как-

то я пришел к своему отцу и задал тот же вопрос. Его задает себе каждый Гончар, как только начинает задумываться об этом мире. И кто, как не мы, со временем понимаем истинный смысл этого вопроса.

Я качаю головой.

– Васик, ты неправильно спрашиваешь.

– А?

– Вырастешь – поймешь, – улыбаюсь я. – это только синие орхористы верили, что их кто-то из глины слепил.

Мы не верим. Мы знаем. Когда я начал творить свои вещи, то понял, в чем смысл того вопроса. Правильным ответом на него являлось «не из глины»

Кто – нас мало волновало. Ни один Гончар не сомневался в том, что этот Кто-то существует.

Когда ты работаешь с подпространством, мешаешь четыре стихии – глину, воду, воздух и огонь, и даешь смысл вещи своей кровью....

Когда ты тонешь в подпространстве и под твоей мыслью создается материя....

Когда ты теряешь самого себя в экстазе созидания...

... тогда ты понимаешь: да, нас создали. Такими, какие мы есть. Удивительными, странными, способными творить. Не из глины – а просто так. Нас вытащила из непроявленного в Явь не чья-то кровь, пролитая на глину, но сила мысли.

Потому что когда творишь, то знаешь цену творению. И нет такой глины, чтоб создать из нее творца. И нет такой си-

лы в чей-то крови, чтоб дать душу, способную мечтать. И нет такого дара, чтоб подарить творению свободу воли.

«Он сотворил нас не из глины» – сказал мне сын, много лет спустя. «Но где же он сейчас? Этот кто-то? Эта сила непроявленного?»

А вот на этот вопрос ответить я не мог, хоть и был это правильный вопрос.

Где он, тот кто создал нас? Никто не знал.

Хотя... у меня, как у Гончара, была идея: тот, кто творил просто ...ушел. Ну, как те несчастные, которые слишком увлекаются и тонут в подпространстве, растворяются в макром мире, не могут удержаться в реальности и, в конечном итоге, частью души остаются в своих творениях.

Собственно, из-за этого и случилась война. Ни один нормальный Гончар не способен верить в синие бредни о едином боге, который создал всех прекрасных существ в мире силой воли, а несчастного голого одинокого мужика из глины. Из глины, ага.

Мы из нее кошечек лепим.

Гончар знает, что душа – слишком настоящее чудо, чтоб пытаться создать ее из глины.

Ах... кажется, я растворяюсь. Теперь я сам узнаю, кто нас создал. Жаль, только тебе, Васик, не смогу рассказать.

Ведьмы

Выжженная пустыня

– Ведьма пришла в город, – шептались за моей спиной и

сплевывали в пол.

– Ведьма пришла! – говорили друг другу мамочки и складывали руки в молитвенном жесте.

– Ведьму надо выгнать! – кричали в залах главы орхористов.

Я шла по улице, а в руке у меня был серебряный нож. Наверное, стоило его переделать, Лей говорил мне об этом не раз. Да и не только он. Каждый Гончар говорил мне это. Ну еще бы – они-то делали по моим идеям красивые, изящные ножи, а мой...

Мой помнил кровь. Песок, бесплодную землю. Боль. Смерть.

Неказистый старый кинжал, в трещинах и гари – вот мой инструмент. Я создала его таким, с пятнами ржавчины на металле.

Некрасиво. Негоже пользоваться таким. Не мне – той, кто придумала и создала Гончаров. У меня должно быть все самое лучшее, особенно сегодня – во время официального визита в Диррему – один из самых старых городов орхористов. Только не объяснить мне ученикам, что красивое – не всегда лучшее. Видно, потому и меня послали – мало кто знал, как я выгляжу на самом деле. А со стороны я диво как хороша. Благословенная и проклятая, но для меня самое главное – живая. Это подвиг для Гончара, который постоянно творит. Жизнь и кровь не бесконечна, сложно не расплескать ее в магию напрасно, но я стараюсь быть ... бережливой. Соот-

носить необходимость и силы.

Цепочка с драгоценным камнем удерживает мои волосы – я отдала за не месяц жизни. Она дает знание, если замышляют против меня.

Мой прекрасный красный плащ – мягкий и теплый стоил мне трех недель. Его не пробить ни стрелой, ни мечом.

Кожаная сумка на ремне, пожалуй потянет лет на пять – это если посчитать все то, что внутри. "Волшебные вещи", как говорят синие. А по мне так рабочие артефакты: например, окуляры, которыми можно смотреть сквозь плоть. Браслет, облегчающий боль. Скальпель столь тонкий, что не выковал бы ни один кузнец.

И нож, порез от которого затягивается сразу, как я захочу.

Орхористы призвали меня в Диррему сами. Плевались, молились, проклинали. Но в итоге отправили весьма высокомерную просьбу в Чемган. «О низжайшие маги, помогите...» Король мялся и сомневался, Гончары думали, а я согласилась сразу, как прочла письмо. Хотя и видение пустыни от предупреждающего камня говорило: не надо. Морейн, это ловушка, не иди. Но я чувствовала, что должна.

В Диррему пришла болезнь: кашель, больной живот. У кого-то "плохо билось сердце" со слов гонца. Зная орхористов, они бы позволили жителям болеть, но не унизились бы перед Чемганом. Только вот начали погибать дети. Молитвы не действовали, свечи горели зря. И тогда городской совет вопреки Высшей воле Любимого Сына призвал прославлен-

ную Ведьму.

И вот, я иду за семенящим парнишкой по городу у подножия горы. Легендарный город Орхории, отсюда когда-то пришел Пророк. Здесь даже когда то была столица, до того как орхористы пробились к морю. И уже давно Диррема – не самый важный город в стране. Но тут до сих пор больше всего храмов, чьи высокие шпили царапают ослепительное небо. С одной стороны видны горы, и мне кажется, что орхористы срисовали силуэты своих храмов с горных вершин. Те тоже издали кажутся сотканными из серого и белого с синим.

С другой стороны города – бесконечная пустыня, где среди миражей и зыбучих песков ютятся редкие оазисы и идут караваны в далекий Тсайверс.

– Сюда, госпожа, – гонец и провожатый показывает мне путь к огромному храму. Храму? Серьезно? Мы прошли ратушу и госпиталь, прошли еще с десятков зданий, где стоило бы разместить больных, но они сделали это в храме? Вот не понять мне веры без логики.

– Разве ты не должен был сопроводить меня к самым тяжелым больным?

Он вздрагивает от моего вопроса, и это уже не забавно даже – он так пугается от любых моих слов, будто я и вправду Ведьма. Вот беда синих – вроде такие люди, но

–Сказано – в храм, простите. – он наклоняет голову лишь бы не смотреть мне в глаза, разворачивается и мелкими шажками идет вперед, иногда оглядываясь: иду ли я следом?

Иду, иду, не бойся.

Высокие шпили, узкие окна, камень и металл, спертый воздух – типичный образчик дурного вкуса синих. Храм. Жалкая пародия на горный чертог.

– Ведьма.

В дверях стоит один из этих, особо упертых. Орхорист до последней капли крови. Юноша-гонимый ускоряет шаг и встает за спиной мужчины, как преданная собачка. Мне же это порядком надоело.

– Меня зовут Морейн и я откликнулась на ваш призыв.

– Ведьма, – он поджимает губы. – видно, люди больше верят в силу Чемганских демонов, чем в силу Всевышнего. Молиться надо было и верить, а не звать проклятых, которую силу черпают в крови!

Последнее слово он произнес навзрыд, будто детей пугал.

– Я могу уйти, если это так вас печалит.

Такое чувство, будто он костерит меня не божьими словами не разжимая губ.

– Следуйте за мной.

И я следую.

Запах – первое что я замечаю. Он ужасен, и пробивается даже сквозь один из моих артефактов. Кровь, испражнения, крики, страх. Дети. Я останавливаюсь в ужасе – даже за полвека я не привыкну к страданиям людей.

– Мне нужна чистая комната. Вода. Много воды. – корот-

ко говорю я, когда наконец обретаю голос. – Сначала – самых тяжелых.

Он что-то ворчит по поводу свечей, обязательных молитв и полумрака, но мне все равно. Я немногословна. Требовательна. Спокойна. Я смотрю на детей сквозь свои окуляры:

– Этот первый.

Орхорист не согласен, он показывает другого ребенка, более богато одетого. Но я вижу глубже – вижу, как чернеет кровь. Как яд накапливается в телах и убивает всех. Всех? Да, всех. И этого упертого орхориста тоже.

Он снова хмурится, сморщивает нос как урюк. Помогает мне занести ребенка в небольшую комнатку на верхнем этаже. Бормочет что-то про “а если сын герцога Важнотипского умрет первым, они меня тоже убьют”

Я выгоняю его за дверь, а он напоследок бросает:

– Не понять Ведьме страдания родителей! Этот сирота, толку его спасать...

Я запираю дверь на засов.

Мне не понять. Открываю сумку, достаю браслет и защелкиваю на запястье парнишки – тот дышит спокойнее, боль ушла. Теперь надо вывести яд.

У меня ведь нет детей.

А среди Гончаров нет женщин. И не будет, надеюсь. Гончар вкладывает в глину свою кровь и жизнь, время, которое отведено свыше. Станным образом все связано – наши тела, наше время и наша сила.

Раньше мужчины просто считали это своим делом. Не женским. Еще бы – никто за три века так и не додумался создать что-то вроде моего серебряного ножа. И каждый раз, когда резали руки для кровавой жертвы, надо было иметь рядом помощника, который бы остановил кровотечение. Риск смерти всегда оставался. Почему они легко создавали отраву, сверхострые мечи и копья, а нож, раны от которого затянутся сами – не смогли? Даже не подумали.

Я создала Гончаров, когда рискнула. Сотворила нечто за пределами простого, спасла друга. И создала правило: ни одна женщина больше не ступит в выжженную пустыню Гончарного дела. Потому что наше время циклично, разрыв и плата за магию уничтожали связи и лунные циклы.

Да. Мне не понять боль родителей.

Мальчик у меня на столе открыл глаза – ясные, светлые.

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит, – тихо сказал он. – Вы заберете меня в рай?

Я закашлялась. Сирота, значит?

– Очень может быть.

В дверь колотил орхорист.

– Ведьма! Сын герцога умер!

Сквозь стекла окуляров я видела другое.

– Он просто без сознания, несите его.

– Нет, он умер! Тебя приказано убить! Все из-за тебя!

Боже, как это глупо... Знала, же, что устроят подлость.

Видела. Тот важно важный сынок даже не был болен. Но де-

сятки других детей – да. И теперь – что? Мне уйти и оставить все как есть?

Он достал меч
– Смерть тебе!

Я прижала к себе спасенного ребенка и накинула капюшон.

Лишь капля моей крови осталась на плитах пола – я поцарапалась, уходя.

– Ведьма! – летело мне вслед, а мы шли, невидимые, незаметные, сквозь бурю фанатиков. На площади я огляделась – все были отравлены, все. Надо было сразу надеть окуляры. Кто мог травить весь город у подножия высокой горы?

Если только... жадность? Что они добывали в шахтах, кто бы знал?

– Уходите из города, если хотите жить, – шепотом сказала я женщине у прилавка. – Я – Ангел, и глас мой священен!

– Уходите прочь, город отравлен, – невидимым шепотом говорила я всем.

А от храма летело: ВЕДЬМА СБЕЖАЛА! НАДО ПОЙМАТЬ! ОНА ВАС ВСЕХ УБЬЕТ!

– Так ты не ангел? – грустно спросил меня мальчишка в пустыне. Он с ужасом смотрел на меня – мои песочные часы на шее разбились, и лицо снова показывало реальный возраст – старой, старой тетки, которая незнамо как живет еще и все создает гениальные вещи.

– Я Ведьма, малыш, тетя-Ведьма.

– Аааа, – протянул он, будто что-то понял, – Вам помочь
дойти до дороги?

– Не надо.

Потому что впереди я видела, как должны ополчиться на
меня свои – за то, что вышла живой из города синих.

Пусть я и Мать Гончаров, и Ведьма, и гений. Но мне ни-
когда не стать своей для толпы менее талантливых мужиков.

– Мы пойдем в пустыню, а потом в горы – говорю я ему,
и он кивает.

Я же Гончар. Я что-нибудь придумаю.

Снова. Лишь бы дойти до гор.

Серебряный нож

Из дневников Морейн

... После войны с орхористами и основания Гильдии, ме-
ня часто спрашивали, как я стала такой? За спиной шепта-
лись: мол, Ведьма продала душу, лишь бы ...

Лишь бы что? Гончары знают лучше всех, что никто на
этом свете не купит душу. Кому она нужна. Творец сам их
лепит, а другой силы в мире нет. Это только глупые фанати-
ки-орхористы верят в демонов и диаволов.

В этом мире есть только люди. И больше ничего.

Больше ничего, малыш Лим.

– Тетя Ведьма, что это?

Мне следовало бы сказать “Не порежься”, но зачем?

– Ай! – капля крови выступила на пальце мальчишки. Он
отбросил нож и облизал палец, но кровь продолжала течь. -

Больно!

Я вложила в его руки нож.

– Почувствуй свою кровь, выдохни. Закрой глаза... (какой доверчивый мальчик, вот бы в Гильдии меня так слушали) Хорошо, а теперь попроси, потребууй. Открывай глаза.

Кровь остановилась. Он изумленно вскрикнул:

– Тетя Ведьма, а как ты чудишь? Как ты это делаешь?

Я вздохнула. Мы шли по пустыне уже неделю. Вернее, я тащила выздоравливающего пацана прочь из проклятого родного города синих, одновременно убегая от своих бывших учеников, которым претила женщина в гильдии Гончаров. Не всех я раздражала, нет. Только нескольких молодых и амбициозных.

Они планировали убрать меня по-тихому. Чего уж, Мать Гончаров стара, ее смерть грустна, но ожидаема... Ну вы поняли. Но я успела уйти.

И вот сейчас мы сидим в неказистой лачуге в заброшенном оазисе, и мальчишка из другой страны спрашивает: как я творю чудеса?

Меня спрашивали об этом сотню раз. Я выросла в обычной семье. Отец тоже был Гончаром, и я восхищалась им. Мечтала стать такой же. Но он заработал состояние на каких-то безделушках и перестал творить. А мама, наоборот, ударилась в одно из “синих” верований. Все детство она говорила мне, что деньги – это зло. Что надо развивать силу духа и молиться. Что тело – лишь бранный чертог сознания.

Так и жили, как ты понимаешь, малыш Лим, небогато. Даже приходилось склонять голову и комкать чувство гордости, принимая подачки отца. Он-то наоборот, считал что без денег жизни нет. И не обманешь, обманут тебя.

А мне... мне быстро стало все равно. Меня ждала провинциальная школа и непритязательная работа, к примеру, писарем или библиотекарем.

Но однажды я встретила Кроу и влюбилась. Он был младше, чем-то напоминал тебя, Лим. Только он был еще не был Гончаром, работал подмастерьем у одного из тогдашних мэтров. Знаешь, почему ваши священники не любят Гончаров? Нам надо пролить свою кровь на глину, чтобы вдохнуть в вещество жизнь.

Иногда – много крови. И всегда нужен кто-то, кто вовремя перевяжет рану.

Кроу и был таким парнем. Он верил, что однажды и он станет великим, будет творить совершенное оружие и вдыхать в него жизнь. Все эти разрушающие все мечи, стрелы, бьющие без промаха.

– Мора, мне сегодня дали попробовать! Я сам сделал наконечники для стрел! – он был рад как дитя.

Я с подозрением вертела в руках кусочки металла, которые кровь человека зачаровала из глины. Во мне просыпалась злость. Даже азарт пробивался сквозь равнодушие.

– Интересно, я бы смогла?

Кроу замахал руками.

– Что, ты нет, женщинам не положено!

Хотя никто не мог объяснить мне, почему.

... я стала библиотекарем. Хорошая работа, хоть и не сильно высокооплачиваемая. На досуге я читала книги. Много книг. В том числе и старые фолианты о гончарном деле. Некоторые, судя по записям, никто кроме меня не брал.

А потом случилась война. Очередное столкновение с синими орхористами.

Взрывы и огонь пришли в наш городок. Знаешь, что делают солдаты с женщинами? Нет? Ну, малыш, делают больно. Давай пока так. А мой Кроу не успел, он пытался зачаровать очередной меч. Но не было никого, кто закрыл бы ему рану. Он умирал. Мы оба лежали на глиняной дороге у горящего дома и истекали кровью. Крови было много. Я теряла сознание. Мне казалось, что я в раю – а потом я очнулась на пороге горящего дома, в саже и с ножом в обожженных руках.

И я знала, что это. Первый нож Гончара. Я провела им по своим ранам, и они закрылись. И спасла Кроу.

То чувство, похожее на рай – я знала что это. Я так же почувствовала на себе почему женщинам нельзя быть Гончарами – терялась возможность рожать. Нарушалось внутреннее время.

Но мы были живы.

Я никогда не стремилась к победе или славе. Меня мало волновали деньги.

Я просто хотела найти того, кто меня поймет, малыш.

... из воспоминаний Лима Ди Мора

Она была удивительной. Все объясняла простыми словами, называла свою жизнь “обычным делом”. Но я навсегда запомнил ее необычный образ мышления.

Она говорила: “Все, что ты можешь придумать, ты сможешь создать. Вопрос только в потраченном времени”

Я не Гончар, и синий по рождению, поэтому меня не пустили даже в приграничье Чемгана. Я хотел передать дневники Морейн в Гильдию, но они не захотели слушать. Но я должен сохранить дневники и записи о Матери Гончаров. Пусть это дневник хранится в моей семье и передается из поколения в поколение.

Поэтому я отправился в горы выше Лазурии, в свободный и проклятые места восточнее перевала на Фарион. Туда, где по легенде, живут ведьмы и непокорные племена. Там я построил дом, встретил девушку и решил сохранить память о Ведьме для тех, кто готов будет ее узнать.

Я взял второе имя, ставшее именем рода в честь нее – Мор.

Я отдавал ее дневники горным ведьмам – они прочли и вернули их с благодарностью. Они предложили построить замок, и хранить здесь, в горах, знания не только Красной ведьмы, но всех ведьм. И принесли свои летописи и легенды... Но это уже другая история.

Первая ведьма

Мое племя всегда поклонялась огню.

Когда далеко на равнинах, где-то в маленькой деревушке в глубокой пустыне появился новый пророк, я не придавала этому особого значения. Пророки и прочее люди, которые хотели принести новую веру, появлялись на земле частенько, они говорили, что стоит верить ветру, они говорили, что стоит верить небу. Этот говорил, что люди созданы из глины, он говорил, что после смерти всех плохих ждет огонь, а хороших – синее небо.

Ну что сказать: вера как вера, мы не обратили на это внимания. Да и мало ли что рассказывают заезжие путешественники на ярмарке в Лазурии? Единственно, что напугало в рассказах путешественников, так это то, что пророк говорил, что всем нужно нести мир. Только каждый раз, когда кто-то говорил, что нужно нести мир, он делал это с помощью войны.

Мое племя поклонялась огню и горам, а они давали нам силы жить.

И вот однажды к нам пришли подвижники. Трое мужчин в синих плащах с знаменем облаков, объятых пламенем. На у одного был лук, у второго – меч, а у третьего – копьё.

– Пусть выйдет Вождь! – кричали они около крайних домов, непонимающе озираясь. Ну еще бы, наши поселения не обнесены частоколом. На воротах не дежурят лучники. Да и домов видно немного.

Я видела, как они идут издали – через огонь. Не к добру, я это знала. Но все же мы решили дать им шанс. Я приготовилась их встречать. Одинокая женщина в красном плаще против трех вооружённых мужчин. Они смерили меня взглядом, будто я равнинный червь. Переглянулись, и говорить начал тот, что с мечом.

– Женщина? Позови Вождя! Или кто тут у вас, у дикарей, главный?

– У нас нет главного, пришлые воины. Я – Жрица, избранная Огнем. И я несу Ответ перед горами.

– Огнем? Подземному миру смерти поклоняетесь?

– Нет, воин. Просто огню. Зачем вы пришли?

– Собери всех! Это приказ! Я буду вещать слово Орха Синого!

– Они не соберутся. Незачем им. Расскажи мне.

Тот, который с луком, вытащил стрелу из колчана и натянул тетиву.

– Вы примете Слово Орха! Зови всех!

– Нет.

Непокорные народы гор – та еще загвоздка. Они дики, несмышлены и поклоняются горам и огню. Нести им лазурный свет знания – наш долг и обязанность.

А еще нужен проход через перевал к Фариону. Говорят, есть горная дорога, но племена не пускают никого туда. Но если донести им Веру – то они должны будут пропустить.

Должны, но...

– Нет.

Сложно не закипеть, когда эта девка стоит и говорит на равных, будто мужчина. Брат Илион кашлянул, шагнул вперед.

– Вы против веры выступаете?

Женщина, казалось, издевается.

– Нет, вы можете верить во что угодно. Мне это не интересно.

– А как же остальные? Как они услышат? Вдруг кто захочет обратиться в веру?

– Они слышат, – отвечает ведьма и чуть заметно ведет плечом.

И видно, как в тених сосны мелькнула тень с луком. А там еще и еще. Не одна тень. И показались они специально.

– Мы еще придем.

Брат Илион скрипит зубами. Ничего, даже в горах мы найдем тех, кто согласится услышать слово Орха. Или заставим.

– Лучше не стоит, – я качаю головой.

– Но мы придем. Ваше поселение – не единственное. Кто-то согласится. Кто-то проведет нас на Фарион. Там долина еретиков! Они проливают на святую глину кровь!

– Но не мы. Мы чтим горы. И сами проливаем кровь.

– Есть другие племена. И когда все вокруг падут, вы тоже примете мир и веру Орха!

– Мы не падем, пока стоят горы.

И они прошли. Кажется, жившее внизу, у подножия, племя умаит, согласилось и решили провести чужаков. Ну... что ж, они предали гору и теперь, как и жители равнин, как и любители Орха, племя умаит будет умирать от старости.

Я думала, на этом история закончится, но они пришли снова.

Трое – с копьём, мечом и луком. Трое – впереди огромного отряда. Хорошо они приготовились нести мир. Нам не справится, нас намного меньше, и мир нам не нужен.

Я беру свой красный плащ и выхожу к костру перед деревней.

– Ну что, ведьма, примете веру Орха? – готовит мечносец и плотоядно улыбается. А сзади один из вождей племени умаит. Надо же, как опустился.... А мы ведь, было дело, приходили к их мужчинам.

Мне, как первой ведьме, положено защитить свою землю. Я достаю нож, и тот проповедник начинает что-то кричать. Но я всего лишь провожу им по руке и моя кровь капает в костер. Моя жизнь утекает огню – и горам. Обычно костер милосерден, обычно мы даем огню каплю – просто чтоб увидеть далёкое настоящее. Но сейчас я отдаю горам все, чтобы они в ответ вступились за нас. И они вступаются.

Горные сосны звенят, звенят камни на высоких утесах. Звенят и грохочут камни, гремит и шумит река. Горы отзы-

ваются, впитывают мою жизнь – я навеки останусь с ними.

И каменная волна сносит проповедников прочь от селения. Кого-то прочь, кого-то хоронит у подножия. А там, где был мой костер, ныне проходит черта. Я стою там вечно – мой дух, моя душа. И никто с желанием навредить теперь тут не пройдет.

Никогда. Пока стоят горы.

Горное зеркало

А в горных долинах белый-белый снег идет

А в вершинах страшных диких гор ведьма живет

Она непослушных детей завлечет-уведет

Песней позовет, сердце украдет...

Народные песни. Кто их придумал? Тот, кто дошел до горных ведьм? Или сами горные ведьмы пришли в горы, услышав эти смешные песни? Хотя думается мне, что их придумали родители, чтоб уберечь непутевых мальчишек.

Но кто ж нас остановит? Мы лезли через самшитовый лес, обдирали руки о заросли барбариса, блуждали в обрывках облаков. Мы облазили все склоны вблизи поселка – на расстоянии дня. Все же мы были не настолько отчаянны, чтобы словить оглоблей от отца или коромыслом от матери.

Даже если сбежать вниз, в город Лазурию – хоть там и больше миль – и то не вызвать такого гнева. Потому что то – город. Наш, синий город. А в вершинах по легенде – угожья проклятого рода ди Мора. В вершинах – ведьмы, пьющие кровь. Там, в туманных долинах, поросших высокогорными

кедрами – колдовство и огни.

Огней я не видел ни разу. Но, бывало, в начале ночи видел дымный след, уходящий в небо. Не туман и не рождение облака, как говорил мне отец. Я знал – это был дым. Надо просто идти дальше, чем от утра до полудня. идти до заката, скрыться в тенях гор и найти их.

А надо ли?

Мне иногда хочется сбежать, превратится в птицу и улететь. Я смотрю в зеркало, и вижу целый мир. Но я заперта на вершине горы.

– Ты не заперта, Райза.

Дайяна, одна из сестер подходит со спины. Все мы слышим друг друга, такая уж у нас судьба. Можно спуститься вниз, но тогда потеряешь силу. И, казалось бы, что такого... Но потерявши дар, невозможно вернуться обратно. А еще, там, в долине, в портовых закоулках – нас ненавидят так люто, как могут. А могут они сильно, на других странах натренировались. До сих пор помню дым Фариона – я смотрела за ними через зеркало.

Я не заперта, но...

– Они ведь такие же как мы, Дайяна. Те, кто проливают свою кровь. Только мы умеем жить долго, а они нет.

Сестра улыбается.

– Если тебе грустно, спустись до особняка Ди Мора. Туда иногда приходят люди.

Туда иногда приходят люди... Интереснее легендарной Морейн уже никто не придет. Мы, так уж вышло, живем по другую сторону гор, долина Фариона – в Чемгане, нам до тех перевалов не дойти. Мы можем спуститься только в земли Орхории. А они не любят ничего иного, ничего необъяснимого. Но я все же спускаюсь к особняку. Сейчас там живет праправнук Лима, Коэн. Он мужчина хоть куда, в его библиотека полно книг, он знает все и о нас, и о Гончарах, и об Орхории, и о Чемгане. О Жемчужных островах, о далеких южных Таймерии и Лайфете. Он живет с несколькими слугами, и сам почти никогда не спускается. Потому что внизу за ним тоже сразу придут орхористы.

– Скучаешь, Райза?

В его глазах я маленькая девочка, знаю. Знаю, что Дайяна и Синтия любят его так, как умеют любить только ведьмы. Знаю, что если я тоже влюблюсь – то они не будут против. Но я не хочу влюбляться. Коэн интересный дядька, но я хочу летать.

– Скучаю...

– Какую книгу тебе дать сегодня?

– Никакую, – улыбаюсь я. Пока я шла, я почувствовала, что должна дойти. И верно, сзади зашуршали листья и из кустов вынырнул потрепанный мальчишка в синей рубашке. Из Лазурии или из поселка, стало быть.

– Ой! Ведьма! – воскликнул он. – Не подходи!

– Ой! Человечек! – не удержалась я. – Сейчас заколдую!

– Ну хватит, дети! – Коэн поднял руку. – Ты что здесь забыл, мальчик? Вашим запрещено подниматься в горы дальше, чем на день пути.

–Ой! Вы – Проклятый Ди Мор!

Коэна выдала одежда. Узор из листьев и молний змеился по его рубашке, в его платье не было ничего синего. Принципиально.

– Да, я Коэн Ди Мор. Это – Райза. А ты кто, и зачем сюда пришёл?

– А вы не будете выпытывать секреты? – мальчишка прищурился.

– Нет! У меня есть горное зеркало! – я задрала подбородок, – могу уйти и сама узнаю как тебя зовут.

– Ладно... я Аргол.

– Из Лазурии?

– Из поселка... – он, казалось, ждал чего угодно, но только не той жадности в моем голосе, что услышал.

– Жаль, – мне правда было жаль. В Лазурии были волшебные рынки, я видела. И там были настоящие жемчужные бусы. И книги. И разные крутые штуки, интереснее, чем набор астролябий и телескопов Коэна.

Ди Мор прервал мои мечты.

– И все же, зачем ты пришел, мальчик?

– Хотел посмотреть, как рождаются облака... ну... и на ведьм тоже.

Я хитро прищурилась. Он отводил взгляд от меня как

только мог.

– Посмотрел?

– Посмотрел!

– Тогда плати!

– Чем? За что? – он не ожидал такой наглости.

– Бусами, красивыми жемчужными бусами.

Коэн покосился на небо.

– Райза, отведи его к границе леса. Я дам вам астролябию – простую, чтоб он мог сам найти дорогу. Но если он не вернется до завтра, к нам опять придут с огнями.

Он приходил снова. Сначала с дешевым стеклом, потом с речным жемчугом. Потом он долго не приходил. Пока не пришел в форме моряка.

– А ты не изменилась... Райза.

– Мы взрослеем медленней вас. И живем дольше. И любим сильнее. Останешься?

Аргол кивнул.

Мы пошли к озеру – к одному из тех потайных горных озер, которые только кажутся спокойным прибежищем вод. Стоит только начаться дождям, как мелкие ручьи из этих озер превращаются в бурные реки.

Мы зажгли костер – ведьмы не признавали жизни без огня.

– Я уплываю Райза, – он держал мои руки в своих. – Я привезу тебе розовый жемчуг, дорогая.

Мне не нужен был жемчуг.

Мне нужен был он. Я хотела убежать... хотя бы через него, хотя бы наблюдая за тем, как путешествует он.

Но... я хотела, чтобы он вернулся.

Огонь, что горел между нами, не умещался в словах.

А утром он ушел, оставив рядом со мной нитку жемчуга.

Синтия стояла в тумане на тропе, закутавшись в плащ.

– Зачем ты дуришь мальчику голову, Райза? Ведь ты знаешь правила. Мы впускаем сюда только тех, кого любим.

– Я его...

– Ты хочешь его жизнь, сестренка. Ты завидуешь ему. Ты подговорила Коэна подарить ему астролябию – чтоб он всегда знал, как вернуться сюда, в место, которого нет на картах. Ты его не любишь.

– Но я ... так хочу чтоб он вернулся!

– Хочешь, но ... это просто твоя гордость. И поэтому он однажды не придет.

– Но Коэн же возвращается к вам!

Старшая ведьма улыбнулась туману.

– Коэна защищает наша любовь. Потому ему никто не в силах навредить. Но ты не любишь этого юношу сердцем. Только телом и разумом. Потому однажды вы оба будете чувствовать вину... Впрочем, это положит начало отличной истории.

Первый, кто ушел

Он приходил сюда каждый день, на высокий берег реки.

Высокие берега складывались из ряда пластов глины и песка, переплетаясь, волнами желтыми, серо-голубыми, а иногда и кроваво-красными.

Берег звал его, манил. Каждое утро он встречал рассвет, смотрел как солнце поднимается над дальним лесом и скользит над изгибом реки, отражаясь в спешащей куда-то воде.

– Что ты делаешь, Рой? – он обернулся на тревожный женский голос.

– Просто смотрю на реку, Дорея.

Не должно ей бояться, но она все же переживала.

– Ты приходишь сюда каждый день, – немного плаксиво сказала она. – Мне грустно, брат.

Он криво улыбнулся, разгадав ее страх:

– Сегодня я просто смотрю на реку, тебе не о чем тревожиться.

– Легко тебе говорить, – буркнула она и сложила руки на намечающемся животике. – Ты не боишься каждый день, что твой любимый не вернется... Извини, Рой! – она зажала рот ладошкой.

– Да не извиняйся, чего уж, – он криво улыбнулся и пошел в селение.

С чего бы ему переживать? Неудачник в воинских искусствах, не охотник, не кузнец. Что умел и что получалось у него с детства – так это глиняная утварь. Но не мужское это дело, в земле ковыряться. И ни одна девушка не пойдет за него, не поставит вперед своего имени его «Ро»

Хотел он прыгнуть вниз, но не смог. Сам себе говорил, что это из-за Реи, из-за того, что не мог так с ней поступить, особенно сейчас, когда она ждала ребенка. Но в сердце он знал правду.

Он просто боялся боли. Не умереть, а именно умирать. Не исчезнуть, но страдать.

Сегодня кроме Роя в селении осталось мало мужчин: семь бойцов, которых Арч оставил для охраны, юнцы да редкие старики. Воины же разделились на два отряда, и отправились к слиянию рек да к Долгому озеру.

Хотелось бы сказать, что охоты ради они оставили селение и зашли так далеко, но все было иначе: Рой сам слышал, как Домир, муж сестры, проклинал степные племена. Говорили, что нашелся у них про-рок (так они звали своих шаманов), и этот про-рок вещал, что степное племя – Избранные, что надо раскрасить щеки синей краской и нести новую веру остальным племенам, а кто не захочет принять – тех нужно убить, ибо «варвары и нелюди».

Надо было остановить синих на подступах к лесам, и помочь дружественным племенам.

Сейчас Рой как никогда чувствовал свою ничтожность – ладно. Не охотник он в мирное время. Но не быть воином в смуту – позорно. Прежде всего для себя самого.

– Эй, Рой! – его догнала невысокая темноволосая девушка. Он нахмурился и склонил голову перед Лисёнком – юной

шаманкой.

– Чего-то хотите, Лисса? – вежливо спросил он.

– Не будь скучным, Рой. Когда мы вместе играли, было веселее, – она поджала губы.

– Это было давно.

Слишком давно, чтобы позволять себе легкомысленный тон с будущей наследницей Великого Шамана Лисса.

– Не важно, – она тряхнула своими волосами. – Как это давно было – решать мне, как шаману. Только я подошла не поэтому...

Она бесцеремонно высказала свою просьбу, и Рой вздохнул.

Ему нравилось делать все самому – самому искать глину, просеивать, чтоб не испортить изделие мелким камушком, вмешивать, сушить и обжигать. Иногда ему слышался голос глины, что-то вроде «каким предметом я хочу быть?» И в такие редкие моменты он уже не казался сам себе неудачником. В такие моменты он задавался вопросом, а не спятил ли?

Лисёнок хотела, чтоб он сделал оправу для странного куска металла – в нем все отражалось, как в воде. Сказала, что отец выменял на ярмарке. А чтоб держать удобно было, хотела раму или вроде того. Лиссе стоило обратиться к Арито, и он бы вырезал ей раму из дерева, или к кузнецу Дорину.

Но шаманка топнула ножкой и сказала «Хочу глину, Рой!»

Поэтому вечером она пришла в его хижину с пучком лучин. Деваться было некуда.

– А почему ты берешь красную? – спросила его шаманка. – Говорил же что белая лучше?

– Помолчи, Лисёнок, – сказал он и прикусил язык. Но Лисса, наоборот, хмыкнула и села рядом, и более не мешала. Только в конце опять достала свой блестящий кусок металла, и приложила к раме.

– Рой, он... извини! Он острый! – боль тонкой ниткой проникала в сознание. Она взяла его руку, и хотела убрать металл, но порезалась сама,

– Ой! – На глину капала кровь..

– Да чего уж, – почему-то ему захотелось пошутить над ней, – кровавые жертвы принесены, теперь все должно получиться.

Она вздрогнула.

– Не шути так. Кровавые жертвы – это путь синих.

Рой внимательно посмотрел на девушку, но она больше ничего не сказала. Знала что-то, слышала от отца, но промолчала? Ну конечно, он же не воин, куда ему лишнее знать!

– Хочешь, пробуем обжечь завтра? – неожиданно для самого себя сказал он, едва глина хоть немного обсохла. Знал, что нельзя, но почему-то предложил. Словно было ему все равно на то, что может треснуть и сломаться при обжиге. Будто демон за язык дернул – «завтра»

– Хорошо, – легко сказала Лисса. – Я приду вечером.

Уже стемнело, и Рой зачем-то повел ее в сторону, поближе к реке. Выкопал яму, заложил раму, сложил костер сверху, и еще один – поодаль, и принялся ждать.

– Послушай, Рой, а сколько ждать?

– Сколько-то, – он пожал плечами.

Девушка нахмурилась и легонько толкнула его в плечо.

– Не смешно! Ответь шаману!

– Хорошо, о будущий великий шаман...

– Прекрати!

Он посмотрел на девушку, протянул руку к тлеющему костру. Если смотреть на огонь сквозь пальцы, то кажется, будто огонь смотрит на тебя сквозь плоть – красноватый свет проникает сквозь кожу.

– Лисенок, я не знаю. Я смотрю в костер и слушаю глину.

Огонь плясал над землей, но шаманка не видела в нем ничего, она просто смотрела на человека, которого почему-то все, и он сам, считали неудачником. А ведь если подумать, то за последние несколько лет у него не треснула ни одна чашки и ни один кувшин при обжиге...

– Все, – с каким-то внутренним трепетом сказал Рой. Сгрел угли в сторону, подкинул во второй костер.

Лисса задремала. Земля под кострищем не хотела остывать, и Рой ждал. Какое же у него терпение... У нее вот нет такой выдержки. И вот, он разгрел кострище, достал сверток. Отряхнул налипшую землю.

Она вытащила кусочек металла, вложила в глину и вскрикнула: там была кровь. В неверных утренних сумерках в металле она видела кровь, меч, и синего, который рубил деревья.

– Нет, – сказала она, – нет. – и уронила зеркало. – Там не должно было этого быть! – Закричала она, и вместе с ее голосом, металл упал, а глина разлетелась на множество мелких осколков. И в каждом из них она видела смерть.

Рой грустно смотрел на черепки, и на металл в котором отражался первый утренний свет.

**

А вечером пришли воины. Арч с отрядом и отец Лиссы, старый шаман.

– Нам надо собраться и выступить против синих. – говорили они в первом круге у костра.

– Нам надо уходить! – вдруг сказала Лисса из второго круга. – Я видела! Они скоро будут здесь!

– Где ты видела, дочь? – мягко спросил старый Лисс,. Девушка отвела глаза. – Ты знаешь, видения ночи обманчивы. Где ты видела это?

– В металле, что ты принес.

Шаман покачал головой.

– Я трижды спрашивал воду и ветер, но слышу только победу в бою. Мы выступаем, Арч.

Рой сидел на берегу и смотрел на реку. За спиной его были

два потухших кострища.

– Прости, – в это раз за спиной стояла Лисса. – Я не должна была убежать, и не должна была смущаться на совете. Я должна была сказать про кровь, но испугалась. Понимаешь, кровь – это обряд синих. Они одного мудреца своего убили, чтоб люди жили счастливо. Отец говорит, это не правильно.

– Рой?

Она присела рядом. На коленях гончара лежало ее зеркало в красивой кованной раме. Лисса взяла его в руки.

– Это мне, Рой? Ты ходил к кузнецу?

Он покачал головой. Лисса заметила на висках светлые пряди – будто седые или выгоревшие. А под глазами – сеть морщин.

– Я нашел его таким. Цельным. Я не знаю, Лисса, что там у синих с их про-роками. Но ты посмотри в него, посмотри! Оно проклято? Я – проклят?!

Девушка бережно взяла зеркальце и снова уронила его, прижав руки к губам, и замерев беззвучном крике. В зеркале отражалась смерть. В красных каплях пролитой крови, в алых разводах страха. Их селение умирала в бою.

– Разбей его, Лисёнок. – с горечью сказал Рой. – А я ...

Внизу текла река.

– Я и в бою обуза, и ... даже шамана проклятой вещью напугал.

Девушка схватила его за рукав.

– Не смей! Все нужны этому миру! Ровно так и никак ина-

че! В этот момент ты нужен миру, ни больше и ни меньше!
Думай, Рой! Думай! Что мы с тобой сделали?

– Лисса, дочь, – от селения шел старый шаман. Подойдя он лишь кивнул простому гончару. – Мы ходим, дочь. Следи за деревней.

Он коснулся ее лба рукой в ритуальном жесте.

– Рой, да? – он посмотрел на юношу. – Ты уж помогай ей, раз к войне не годен. – Пойдем, дочь. Проводи нас как подобает.

Лисса уже давно ушла за отцом, а Рой стоял на берегу, перематывая в памяти фразу «раз к войне не годен». А после вернулся в хижину, задумчиво посмотрел на кучи глины. Чистой, просеянной, готовой к работе. Его звало и тянуло, но он знал, не мог выразить словами...

Он полоснул по ладони ножом. Не сильно, но боль была премерзкая. И как он малодушно помышлял о смерти, раз так боялся боли? Но вместе с болью пришло другое чувство – уверенность. Рой взял комок глины в руки.

Нож? Меч? Толку с них, не воин он и в рукопашной слаб. А вот лук, пожалуй, будет кстати. Глина под его пальцами мешалась с кровью, он был словно в трансе. Где-то далеко, в верхних слоях сознания он понимал, что это глупо. Но глина звала, требовала кровь, требовала душу.

Он провозился весь день, и вечером снова пошел на берег реки. Костер – он подкинул дров побольше. Нужен огонь.

Нужна кровь. Как странно – рука казалась прозрачней, чем обычно. Как странно – он столько раз обжигал изделия ночью, но впервые хотел спать. Как странно...

..он был нужен этому миру. Именно в этот момент, ни больше и не меньше...

...именно сейчас. Стой, надо еще достать лук. Ох, как горячо. Но нет времени ждать...

... именно сейчас... Лисса...

– Прости, Лисёнок, – девушка вздрогнула и проснулась. Но Роя рядом и быть не могло – она была в отцовском доме. И все же... она – шаман, а значит, верит голосам.

Селение просыпалось, а в сердце девушки стучало воспоминание из зеркала: «сегодня! Это случится сегодня!»

Роя не было в хижине, не было у Реи.

На берегу у потухшего костра не было никого. Только лежал красивый лук и кожаный колчан, полный стрел. Стоило взять их в руки...

– Прощай, Рой, – сказала девушка бессердечному рассвету. – Твоя кровь не будет напрасной.

Ни один синий не пройдет через лес – стрела настигнет его.

И никто и никогда больше не станет с пренебрежением говорить о Гончарах.

Особенно о первом из них

Первый, кто вернулся

Меня зовут Ромей и я ученик Мастера Левского
Мой учитель – лучший из Гончаров. Он пошел вопреки
многих решений Гильдии, решил открывать знания и создал
Академию.

Меня всегда печалило что мой учитель и приемный отец
не творил больше.

«Больше не будет магии», сказал он мне однажды.

Перед двумя мальчишками закрылась дверь. Тяжелая,
резная дверь Гильдии Гончаров. Зачарованные створки без
замков и ручек. Не пройти. Не положено еще.

Они дружно вздохнули и присели у стены. Вообще-то, они
оба там бывали вместе с мастерами, но то были будничные
посещения. А вот на официальные собрания посторонним
бывать запрещено.

– Обидно..., – протянул тот, что помладше. Он поправил
растрепанные волосы. Сидел он аккуратно, подложив как си-
дение холщовую сумку.

Второй парень был старше. выше, сидел небрежно, не за-
ботясь о том, мог ли он испачкать брюки или нет. Да он и
так не был образцом опрятности – рукава рубашки закатаны,
руки грязные, ногти обломанные.

– Чего тебе обидно, Ром? Ты же там был? – и голос уже
был другой, не мальчишеский. Но и не взрослый. И парень
старательно добавлял нотки подражания, пытался говорить
иронично и чуть высокомерно.

– Все равно обидно... – младший достал из кармана комочек глины, завернутый во влажную тряпицу. Вытащил, и ловкими пальцами принялся мять.

– Не выпендривайся, Ром.

– Я не выпендриваюсь, я тренируюсь! А завидовать – нечестно!

Старший рассмеялся.

– А это Мастер Левский сделал или ты? Я такого не видел.– За небрежным тоном скрывался интерес.

Ромей прищурился.

– Только не говори никому, Эрик!

– Ой, да подумаешь, непромокайку у мастера стащил... – Эрик хотел сказать еще что-то, но заметил, как Ромей скомкал глину в тряпицу и убрал в карман.

– Так ты ее сам сделал! С ума сойти! Мастер разрешил... хотя нет, можно и не спрашивать. А как обжигал?

– На улице. В лес ушел, выкопал яму и сверху костерок. Как в старых книгах. Так ты не расскажешь?

Эрик задумался. Ромей, ученик Левского отличался завидным безрассудством. Наверное, стоит рассказать, а то ведь повторит историю мастера.

– Но зачем?

– Потому что он не рассказывает ничего! – Ромей поджал губы как пятилетка. Эрику стало смешно. – Не рассказывает, только глину просит принести -унести, замеры сделать...

бумаги заполнить. Время засесть. А чудесам не учит. Нечестно! Ну чего ты смеешься? Тебя-то мастер Вааль взял, он серьезный. Ты наверняка ему орлов помогаешь делать!

Эрик пытался удержаться, потом не выдержал и засмеялся в голос.

– Так они и без нас глину таскали, сами. Ты подумай, дурачок: если глину не принести, да не просеять, то и чуда не будет.

По карману Ромея растеклось влажное пятно.

– Ой...

– Непромокайка потекла? Глину не просеял?

Ромей кивнул

Было стыдно. Он только сейчас понял смысл присказки Мастера Левского:

«... только пересчитав три тысячи пылинок, можно сотворить чудо.»

– Послушай, Ромей, – Мастер Левский листал толстенный фолиант. Что-то правил там, что-то дописывал. Исчерканные мелким почерком страницы должны послужить основой для учебника. Все подробно расписано, просчитано. Что будет, если смешать красную глину с черной. Сколько времени жизни уйдет на маленькое чудо вроде бабочки-фамильяра, а сколько – на орлов, которых создавал мастер Вааль.

Все расписано до мелочей.

– Мальчик, ты меня слышишь? – он снова позвал, вырвал

меня из сумрачных мыслей.

– Да, Мастер.

– Так что бы ты хотел создать? Я не люблю творений впус-
тую, но и к экзамену надо приступать подготовленным, так
что подумай. Я тебе помогу рассчитать, чтобы зазря кровь
не лить. Ромей, ты слышишь?

– Да. Я подумаю, Мастер.

В сполохах серых стен я встречал рассвет. Мне казалось,
что все создано для меня. Есть сотни вещей, но тратить свою
жизнь на создание подобных – глупо. В книгах и манускрип-
тах, казалось мне, было описано уже все. А я с тех пор с про-
худившейся непромокаемой тряпкой так и не рисковал че-
го-то оригинального творить. Сейчас прошло три года с той
поры, как Мастер подобрал меня на заснеженных улицах.

Три года... Для меня это бесконечно долго, но для Лев-
ского, наверное, мелочь. Говорят, Мастер спустил более де-
сятка лет на одного только легендарного фамильяра-химеру.

Говорят, раньше Мастер был смельчаком и творил чудеса.
Но я давно не видел чудес. Видел только старого человека, к
которому прикипел сердцем. И видел, как ему больно от то-
го, что времени больше нет. Времени не на жизнь, а времени
жизни которое он мог потратить на На что? Если все уже
создано?

Я сидел в утренних сумерках в пустынной мастерской.

Глина... чистая, просеянная – я усвоил урок. Мягкая, словно бархат, глина звала, манила.

«Что ты хочешь создать, Ромей? Что ты хочешь, ученик? Что ты хочешь, мальчик?»

– Я ничего не хочу, – я полоснул серебряным ножом по руке и упал.

Капли крови потекли по куску глины на столе, потом на каменный пол. Надо бы провести по порезу ножом еще раз, закрыть его, но я не мог. Я был уже там.

На другой стороне.

Белое море. Светлый океан. Камни. Тени. Осколки чужих воспоминаний. Город. В огне. Плавающие горы. Война на берегу реки. Крик девушки, истекающей кровью. Война.

– Кто ты, мальчик? – спросил мужчина с собакой. Мужчину я не узнал, портрета не сохранилось и не сохранилось имени. Но узнал его фамильяра – огромного черного пса. Демонический спутник времен оккупации синими охористами. Мастер-гончар создал демона и первого живого керамика-фамильяра, отдал почти всю свою жизнь, и выиграл войну. Пес рвал врагов за семью и родину до того дня, пока не был подписан мирный договор. После растаял бесследно.

– Я ученик...

– И что же ты желаешь здесь, в месте где рождается и умирает мир, ученик? Это место лишь для Мастеров, – сказала красивая женщина. Определить ее возраст я не мог. Она ка-

залось то совсем старой, то юной. Много серебряных украшений и длинный зеленый плащ. Пронзительный взгляд, а на поясе – подернутый ржавчиной нож. Меня прошиб пот. Морейн, Мать Гончаров.

– Я ... умер?

– А ты сам посмотри, – мужчина в простых одеждах показал мне в пространство. Я не знал его, но чувствовал, что должен бы. Я огляделся, и из мира непроявленного увидел мир реальный. Но со стороны.

Со стороны смотрелось глупо. Со стороны – парнишка пятнадцати лет, худой, в демонстративно опрятной рубашке лежал на полу мастерской. Кровь из запястья. Капли собирались рубиновыми камнями настолько медленно, что я видел каждый атом.

Раннее утро. Левский встает и идет в мастерскую в полдень. Никто меня не спасет.

– Я ... умру?

– А ты хочешь? – спросила меня Морейн, – зачем ты пришел сюда, мальчик? Что ты хотел создать такого, что отложил волшебный нож и не закрыл рану? Не для этого я эти ножи придумала, знаешь ли.

– Зачем ты здесь? – спросил меня Гончар с собакой.

– Что ты хочешь создать? – спросил меня третий.

– Что ты хочешь получить? – еще голоса из-за спины. Десятки, сотни голосов тех, кто ушел.

И еще один голос, со знакомыми интонациями:

– Ну и непутевый же ученик у моего сына... Зачем ты здесь, мальчик?

– Я... – и верно, зачем я здесь?

– Вспоминай, пока можешь, – Левский-старший толкнул меня в спину и я увидел...

... рынок Каива. Ряды продуктовые, и мы с Даром. Мы тащим все, что плохо лежит. Мы гордимся украденной булкой или монетой. Я знаю, что это неправильно, нечестно. Я знаю, но... он мне говорит: бери. Больше возьмешь – молодец будешь. Бери, нам выживать. Бери, банда похвалит. Бери... но я... сейчас я вижу продавца булочек, молодого парня, не старше меня сейчас, который не досчитался товара и вынужден доплатить из своих денег неостачу.

... пустынные улицы, где я раз за разом загадывал желание. Занесенная снегом площадь, где я пролил кровь на огонь. Только сейчас я видел иное. Я слышал голоса тех, кто сзади. Голоса Гончаров, ушедших навсегда. Голоса самого подпространства «Помочь или нет? Справится ли он? Достоин ли?» И мне становилось горько от того, что я... глупый мальчишка. Мир мне помог, поверил в меня, а я...

... разговор с Мастером. Свои резкие нотки в голосе. И его усталый, добродушный тон. «Будь терпеливее, Ромей. Будь терпеливее, мальчик». Сейчас, из-за грани бытия, мне было ослепительно больно от того, что я видел его боль, видел как он видел во мне – себя. Видел порывы и пытался меня уберечь. Видел себя, глупого порывистого мальчишку.

Который зачем-то пытается что-то доказать.

... видел то, что не хотел видеть никогда – как отец кричит на мать, что не хотел детей, это случайность. Видел мать. Видел себя. Видел приют и усталых (а в детстве думал, что злых) взрослых... Им просто было одиноко. Всем.

И Гончарам, которые ушли,

– А вы почему здесь?

Левский-старший прищурился.

– Это наша цена и наш выбор, малыш. Мы хотели создать что-то важное... а кто-то просто хотел создавать. Но непроявленное прекрасно и безжалостно, оно манит и не отпускает. Дает магию и берет плату авансом. Что возвращает нас к тебе. Зачем ты здесь?

Я смотрел и видел глупого мальчишку, валявшегося на полу мастерской. Увидел восходящее солнце и слышал шаги мастера, который решил встать пораньше. Мастера, который переживал за своего непутевого ученика. Увидел далеко, на другом конце города Эрика, который получил свое звание в прошлом году. Он мял кусок глины и вытягивал его в плоскость, он думал о моей непромокайке пытался создать что-то свое. Увидел девочку из кондитерской, которая всегда улыбалась, когда я покупал конфеты для Левского. Увидел Эмму, которая всегда обо мне заботилась.

– Я хотел найти ответ.. Свой, собственный

– Ты все еще думаешь, что никому не нужен? – Вкрадчиво спросила Морейн. – Ты не один. А ответ найдет тебя сам,

когда ты начнешь творить.

Я еле успел провести ножом по запястью и остановить кровь. В голове было то, что я видел. Всех людей в своей жизни и себя – со стороны. Было больно.

Кто говорил, что эйфория творчества прекрасна и захватывает? Кто говорил, что там хочется остаться, выпустив всю кровь в попытках создать небывалое?

– Ромей, что ты сделал? А ну в зеркало посмотри! Мастера было не обмануть. А я молчал, я все еще видел все со стороны. Я видел его беспокойство.

– Все в порядке, Мастер, – я встал, – правда, все в порядке. Смотрите, я не повзрослел. Не беспокойтесь. Все хорошо, правда.

– Мальчик, у тебя волосы седые! – Он протянул мне зеркало.

– Это не от возраста, Мастер. Там просто оказалось недостаточно хорошо.

Я не удержался и обнял его. Глупостей я не сделаю. Я ведь уже давно больше не одиночка.

А создать... да придумаю что-нибудь. Я ведь Гончар в конце концов. Я найду ответ.

Меня зовут Ромей, и мое сердце бьется.

Я – жив. Потому что там – недостаточно хорошо для меня. Потому что тот мир манит всех лишь потому, что их не устраивает этот. Я – первый, кто вернулся.

Если смог я, то сможешь и ты.

Вернись в реальность прямо сейчас, мой друг.

Закрой эту книгу и вернись в мир реальный. Я буду ждать тебя там.

Я – и все остальные тоже.